

Г. А. ОСТРОГОРСКИЙ

К ИСТОРИИ ИММУНИТЕТА В ВИЗАНТИИ

Привилегированное положение крупного землевладения является характерной особенностью феодального порядка. Землевладелец-феодал пользуется правами иммунитета, в силу которых его владения, вместе с населяющими их зависимыми крестьянами, оказываются в той или иной мере изъятыми из ведения органов государственного управления. Вынужденная поступиться известными своими правами и прерогативами, государственная власть переносит их, путем пожалования, на землевладельца-иммунита, который, таким образом, осуществляет в пределах своих владений по отношению к подвластному ему населению известные присущие государству функции.

Характер и объем предоставляемых землевладельцам иммунитетных прав определяются конкретными условиями исторической обстановки. Ясно, как важно установить круг этих прав, типичных для той или иной области и эпохи. От широты привилегий, которыми пользуется феодальное владение, в значительной мере зависят его положение, рост и развитие, зависят размеры получаемой с подвластного населения ренты и степень осуществляемой над ним власти, зависит и большая или меньшая самостоятельность землевладельца от верховной власти.

Не подлежит сомнению, что наблюдаемая повсеместно в условиях феодального порядка привилегированность крупного землевладения была характерна и для Византии. Не подлежит сомнению, что и в Византии светские и духовные феодалы пользовались значительными льготами и что и в византийском развитии институт иммунитета или экскуссии сыграл немалую роль. Спрашивается, каков был в Византии круг предоставлявшихся землевладельцам прав, каковы были типичные черты византийской экскуссии и основные тенденции ее развития?

На эти вопросы мы не найдем удовлетворительного ответа в существующей ученой литературе, которая не может не поразить крайней бедностью. Правда, почти каждый историк, останавливавшийся на вопросах внутреннего развития поздней Византии, касался, между прочим, в той или иной мере и вопроса об иммунитете, но попутные замечания, хотя бы и дельные, не могли, конечно, вскрыть типичные особенности византийского иммунитета и обрисовать историю его развития. Заняться же специально разработкой этой сложной проблемы оказалось мало охотников. В самом деле, тогда как история иммунитета в западноевропейских землях усердно изучалась многими поколениями историков, стала одной из излюбленных тем западной медиевистики и породила огромную литературу, о византий-

ском иммунитете до последнего времени существовали всего-навсего две специальные работы. Обе они принадлежат перу русских ученых¹.

Даже если бы эти работы не имели других достоинств, они заслуживали бы признания за то, что впервые поставили столь важный для истории византийского феодализма вопрос. Особенно велика в этом отношении заслуга П. А. Яковенко, который первый специально занялся исследованием истории византийского иммунитета и работа которого во многом послужила основой и для К. Н. Успенского. Но и помимо новаторства исследование П. А. Яковенко имеет ряд несомненных и крупных достоинств. Хотя мы разойдемся с его выводами во многих существенных и даже основных вопросах, бесспорным остается, что его небольшая книжечка была для своего времени выдающимся явлением и что и современный исследователь может из нее извлечь немало полезного. П. А. Яковенко не только ясно указал на полное сходство византийской дискуссии с западноевропейским иммунитетом, но и подкрепил свои наблюдения подробным анализом довольно большого числа византийских документов. Правда, его выбор документов был и для того времени несколько узок. Он пользовался главным образом и даже почти исключительно собранием греческих актов Миклошича и Мюллера, что, при всем богатстве и интересе этого материала, конечно, недостаточно. Действительно, это повело к тому, что П. А. Яковенко, как он сам указывал, «ограничился изучением хрисовулов, данных церковным учреждениям, расположенным в малоазиатских областях империи и на островах Эгейского и Мраморного морей», лишь попутно привлекая хрисовулы, относящиеся к другим областям². В то же время П. А. Яковенко и хронологически сузил рамки своего исследования, фактически начав его с XI в. Бесспорно, институт дискуссии лишь в XI в. достиг своего расцвета, как и сами феодальные отношения в Византии только в XI в. достигли полного развития, но это не значит, конечно, что история этого института и история этих отношений в XI в. только и начинается³.

К. Н. Успенский справедливо настаивал на необходимости изучения византийской дискуссии и в предшествующие века, хотя из этого по существу правильного положения сделал совсем неправильные и весьма неумеренные выводы. Основного материала источников, каковым, вопреки К. Н. Успенскому, не только фактически, но и по своему значению являются данные грамот XI и последующих веков, и он ни в чем существенно не дополнил, несмотря на то, что ко времени появления его работы круг доступных науке источников значительно расширился, особенно благодаря опубликованию в приложениях к «Византийскому временнику» — отчасти уже после появления книги П. А. Яковенко — большого количества афонских грамот. Более того, если П. А. Яковенко сам скромно указывал на то, что, удовлетворившись исследованием грамот, выданных монастырям, он допустил известное ограничение, то К. Н. Успенский в таком ограничении

¹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; К. Н. Успенский. Дискуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1923, стр. 74—117. Напечатанные в XI томе „Византийского временника“ статьи Б. Т. Горянова „Поздневизантийский иммунитет“ (стр. 177—199) и А. П. Каждана „Формирование феодального поместья в Византии X в.“ (стр. 98—122) стали мне известны лишь после сдачи рукописи моей работы. Первая из них, как видно из ее заглавия, специально посвящена вопросу об иммунитете в Византии, вторая содержит на стр. 118—122 интересные замечания о византийской дискуссии.

² П. А. Яковенко. К истории иммунитета... , стр. 2 сл.

³ Как это считал, например Н. Н. Суворов (см. его рецензию на книгу Р. Grenier. L'empire byzantin, son évolution sociale et politique. Vol. I—II. Paris, 1904. ВВ, т. XII, 1906, стр. 227 сл.), подкрепляя тем свой совершенно ошибочный взгляд, что византийский иммунитет представлял собой только „подражание западному образцу“.

не только не видел никакого недостатка, но смело утверждал, что в Византии иммунитет предоставлялся «почти исключительно монастырям» и что носителями экскуссии были «главным образом, почти исключительно монастыри»⁴. Постоянно возвращаясь к этому положению и нарочито на нем настаивая, К. Н. Успенский между расцветом экскуссии и расцветом монастырства просто-напросто ставил знак равенства⁵. Конечно, это явное недоразумение, но на таком недоразумении зиждятся все рассуждения К. Н. Успенского о природе и эволюции иммунитета-экскуссии в Византии. Известно, что дошедшие до нас византийские грамоты сохранились в монастырских архивах и что огромное их большинство представляет собой документы, выданные монастырям; но сохранились в тех же монастырских архивах и акты, выданные светским лицам и лишь впоследствии, с переходом их владений в руки монастырей, попавшие в монастырские архивы. Такие грамоты, отчасти уже давно известные, совершенно ясно доказывают, что иммунитетными правами пользовались не только монастыри, но в той же мере, а в известные эпохи даже в большей мере, и светские феодалы, и было бы весьма странно, если бы это не было так.

В своем исследовании П. А. Яковенко дает прежде всего формальный анализ византийских иммунитетных грамот, внимательно изучая встречающиеся в них иммунитетные формулы. Его разработка проблемы иммунитета не выходит из рамок формально-юридических категорий и сводится главным образом к вопросу о предоставлявшихся иммунитисту формальных гарантиях. Поэтому смысл иммунитета для него заключается в запрете должностным лицам вступать во владения привилегированного лица. При соединяясь к воззрениям ряда исследователей западноевропейского иммунитета, он указывает и подчеркивает, что сущность иммунитета состоит «в воспрещении государевым чиновникам выполнять во владениях пожалованного лица свои должностные обязанности по отношению к нему и тому, что принадлежит ему»⁶.

За неопределенными словами «что принадлежит ему» скрываются в действительности не только земельные и прочие владения пожалованного лица, но и сидящие на них крестьяне, а они-то ведь и несли те повинности и платили те подати, от которых иммунитет освобождался. Естественно спросить: как же отражалось предоставляемое иммунитисту освобождение от податей и повинностей на их фактических плательщиках? Бесспорно, они включались в пожалованную привилегию, на что иммунитетные грамоты часто и недвусмысленно указывают. Но это включение диктовалось, конечно, не их интересами, а интересами их сеньора, которому данная привилегия и жаловалась. Они по-прежнему несли свои повинности и платили свои подати, но платили их не казне, а своему господину. По существу предоставление финансового иммунитета значило перенесение права получения известных податных повинностей и платежей с государства на феодала-землевладельца и тем самым увеличение феодальной ренты последнего. В этом, прежде всего, и заключался для иммунитетиста смысл пожалованной ему привилегии. При пожаловании полного финансового иммунитета он пользовался безраздельно всеми платежами своих крестьян и не должен был больше делиться ими с казной⁷. Предоставление землевладельцу полного финансового иммунитета неизбежно вело к увеличению личной зависимости

⁴ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет..., стр. 74 и 100.

⁵ Там же, стр. 88.

⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 3.

⁷ Это подчеркнуто уже в моей статье „Византийские писцовые книги“ („Byzantinoslavica“, IX, 1948, стр. 229 сл.). На это справедливо указывает и К. А. Осипова („Закрепощение крестьян в Византии“. ВВ, т. X, 1956, стр. 79).

крестьянина от сеньора и тем самым к наделению сеньора известными судебными и административными функциями на подвластной ему территории. Как мы увидим, византийские феодалы и монастыри пользовались судебными правами значительно чаще, чем это принято думать. Таким образом, подлинное социально-историческое значение института иммунитета, на котором П. А. Яковенко не останавливался, заключается, с одной стороны, в увеличении феодальной ренты пожалованного лица, с другой стороны — в увеличении его власти над зависимым крестьянским населением. Нам надлежит изучить в дальнейшем оба эти аспекта иммунитета в Византийской империи.

Отмечая, что П. А. Яковенко ограничился формально-юридическим анализом византийских иммунитетных грамот⁸, мы, конечно, отнюдь не считаем, что такой анализ сам по себе излишен. Изучение византийских грамот с формальной стороны вообще является крупной научной заслугой П. А. Яковенко⁹. Несомненной его заслугой является и то, что в работе о византийском иммунитете он подробно обследовал различные виды иммунитетных формул, встречающихся в византийских хрисовулах. Однако, признавая и подчеркивая заслуги Яковенко, нельзя в то же время не отметить, что при интерпретации самих иммунитетных формул он шел по ошибочному пути. Слишком формально толкуя тексты, он пришел к существенно неправильным заключениям, которые фатальным образом привели его, а вслед за ним и К. Н. Успенского, к превратным представлениям о самом характере и развитии византийской экскуссии.

Как известно, встречающиеся в византийских хрисовулах иммунитетные формулы весьма различны: иногда в них даются длиннейшие перечисления податей и повинностей, от уплаты и несения которых иммунитет освобождается, иногда же они содержат менее подробные или даже совсем краткие перечни, а иногда и вовсе не приводят наименований определенных льгот, удовлетворяясь общим заявлением об освобождении иммунитета от всех существующих видов обложения. Известные колебания в этом отношении наблюдаются и в грамотах, принадлежащих к одному времени, особенно же значительные различия замечаются при сравнении грамот, относящихся к разным эпохам. Длинные перечисления уступаемых иммунитету сборов и повинностей особенно характерны для хрисовулов XI в., в меньшей уже степени для хрисовулов XII в., позднейшие же хрисовулы, особенно сохранившиеся в столь большом числе хрисовулы XIV в., обычно довольствуются общими выражениями об освобождении, сопровождая их упоминанием сравнительно небольшого числа повинностей. Спрашивается, как объяснить это бросающееся в глаза различие: является ли оно результатом постепенного изменения дипломатических формул или же отражением изменений самого содержания и объема предоставляемых льгот?

Принять последнее предположение значило бы считать, что византийские иммунитетные грамоты фактически освобождают только от тех податей и повинностей, которые в них специально поименованы, игнорируя подчас весьма категорические заявления грамот об освобождении от всех без исключения повинностей. Объем предоставлявшихся в Византии иммунитетных прав при таком толковании оказывается довольно скромным, особенно в позднейшие века, когда следовало бы ожидать их предельного расширения. Но именно к такому толкованию склонялся Яковенко, а по его стопам пошел, уже безо всяких колебаний, К. Н. Успенский, повторяя его

⁸ В этом упрекает его и А. П. Каждан („Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“, М., 1952, стр. 95).

⁹ См. его очень ценную работу „Грамоты Нового монастыря на о. Хиосе“. Юрьев, 1917

тезисы с полной категоричностью и делая из них весьма широкие выводы¹⁰. Не приходится удивляться, что, отправляясь от такого толкования, Яковенко пришел к следующему заключению, к которому всецело присоединился и К. Успенский: «Таких хрисовулов, которые освобождали бы от всех платежей и повинностей, мы не можем указать»¹¹. Ибо, пояснял Яковенко и повторял Успенский, «помещаемые в конце перечня повинностей слова о том, что дается освобождение, кроме перечисленных, вообще от всяких повинностей, теперь существующих и впоследствии могущих появиться, — были, на наш взгляд, не более, как риторическим украшением...».

При такой постановке вопроса приходится заключить, что круг жалующих иммунитетных прав был в XI в. шире, чем в последующие века, и со временем все более сужался. П. А. Яковенко, со свойственной ему осторожностью, побоялся сделать этот вывод и даже признавал, впадая в известное противоречие, что экскуссия характеризуется тенденцией к расширению податных льгот¹². Зато К. Успенский этот вывод сделал и не только настаивал на нем с большим жаром, но и построил на нем всю свою концепцию о византийском иммунитете. Большая или меньшая подробность иммунитетной формулы служила для него доказательством большей или меньшей широты пожалованной привилегии¹³. Он не сомневался в том, что «ранние хрисовулы (XI в.) освобождают от большего числа повинностей, чем поздние (XIII и XIV в.)»¹⁴. Отсюда его представление, что византийская экскуссия постоянно шла на убыль, обнаруживала «измельчание»; история иммунитета в Византии представлялась Успенскому историей «постепенного обветшания института»¹⁵.

К какому же времени относил К. Успенский расцвет византийского иммунитета? «Если судить по императорским грамотам, — рассуждает он, — то эпоха расцвета экскуссии, а стало быть и монастырства падает на вторую половину XI в...» Но так как «лучшей порой» в истории монашества (по крайней мере с иконоборческой поры) была эпоха, непосредственно следовавшая за «торжеством православия», то в эту эпоху, если не в эпоху, предшествовавшую иконоборчеству, должен был достигнуть своего

¹⁰ Б. Т. Горянов, насколько можно усмотреть из краткого изложения в его автореферате („Поздневизантийский феодализм“. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1956, стр. 13—14), тоже склонен видеть в изменении иммунитетных формул результат изменений содержания самих иммунитетных прав, но не в том смысле, в каком это считали наши старые ученые. Исходя из правильного положения, что иммунитет со временем должен был не сокращаться, а расширяться, он в самом сокращении иммунитетных формул усматривает как будто симптом такого расширения. Однако, это подкупающее на первый взгляд толкование не может быть принято, так как оно опровергается конкретным материалом источников. Ведь и в XIV в. встречаются иммунитетные формулы различной длины, и нетрудно убедиться, что относительно более подробные формулы со сравнительно более длинными перечислениями уступаемых льгот применяются, как правило, в более важных и торжественных иммунитетных грамотах. Что же касается общих формул налогов и экзимированности, которые, по Б. Т. Горянову, к концу XIII и в начале XIV в. „стабилизируются и становятся обычным явлением в императорских хрисовулах“, то обычным явлением они были и в хрисовулах XI—XIII вв., несколько не уступая формулам позднейшего времени и в определенности и категоричности выражений. Таким образом, если уж считать, что изменения иммунитетных формул отражают изменения объема самих иммунитетных прав, то из анализа документов можно сделать только тот вывод, который делали Яковенко и К. Успенский.

¹¹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета..., стр. 27; ср. также К. Н. Успенского („Экскуссия-иммунитет...“, стр. 84), в которой автор лишь заменил более осторожное „мы не можем указать“ категорическим „указать нельзя“.

¹² П. А. Яковенко. К истории иммунитета..., стр. 19 и 28.

¹³ Его взгляд усвоил и Дэльгер (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 63, Anm. 6.).

¹⁴ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет..., стр. 84.

¹⁵ Там же, стр. 80 и 82.

апогея, по мнению К. Успенского, и институт экскуссии¹⁶. Таким образом, и XI в. оказывается уже временем относительного упадка экскуссии, которая в дальнейшем все более и более сужалась. К. Успенский этого, правда, ничем не доказывает, но, читая грамоты XI в., он «живо чувствует, что золотой век монастырской экзимированности остался далеко позади»¹⁷. Самое появление хрисовулов, утверждает он (как бы забывая, что хрисовулы появились вовсе не с XI в., а только в большем количестве с этого времени сохранились), «знаменовало собой явственное сужение и убыль монастырской привилегированности и мощи»¹⁸. Привилегированность значила для К. Успенского, как мы уже видели, «главным образом, почти исключительно» монастырскую привилегированность.

Подробнее ознакомившись с данными византийских документов, мы увидим, что все эти рассуждения в корне ошибочны. Но мы сочли нужным, приступая к исследованию вопроса об иммунитете в Византии, несколько подробнее остановиться на взглядах старых исследователей истории этого института, чтобы яснее показать, как важно прежде всего установить подлинный смысл содержащихся в византийских грамотах иммунитетных формул. Именно неверное толкование этих формул породило мнение, что иммунитетные права в Византии жаловались всегда с большими или меньшими ограничениями, и, в конечном итоге, привело к совершенно превратному представлению о самом развитии византийской экскуссии и полному искажению исторической перспективы. Получалось, что с развитием феодализма институт иммунитета в Византии не только не развивался и не расширялся, но, наоборот, постоянно сужался и хирел.

Прежде всего нужно установить, что, вопреки мнению П. А. Яковенко и К. Н. Успенского, византийские грамоты, жалующие полный и неограниченный иммунитет, не только существуют, но существуют в поистине огромном количестве. Особенно многочисленны они с XI в., но имеются и более ранние, несмотря на то, что грамот этого времени, как известно, сохранилось вообще очень мало.

Такой иммунитетной грамотой является уже хрисовул Василия I афонским отшельникам, древнейшая императорская грамота, фигурирующая в известном списке афонских грамот, составленном Порфирием Успенским¹⁹. Этим хрисовулом император ограждает (ἐξασφαλιζόμεθα) афонских монахов от всех представителей власти, «от стратиген и царских людей до последнего человека, которому вверена служба», а также и от частных людей, окрестных поселян и пастухов, предписывая, чтобы никто не тревожил (μὴ ἐπηρέασῃ τις) монахов и не входил (μὴδὲ εἰσέρχεται τις) на территорию Иериссо и Афонской горы²⁰. Бесспорно, перед нами — ясный

¹⁶ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет..., стр. 88.

¹⁷ Там же, стр. 95.

¹⁸ Там же, стр. 95 и 117.

¹⁹ Этот список напечатан у Цахарие фон Лингентала (Jus, III, p. XV—XXVII) и перепечатан Лейк (K. Lake. The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909, p. 76). Несколько более полный и исправленный текст опубликовал Сп. Ламброс в „Νεος Ἑλληνομνημων“, 9, 1912, σελ. 150. В упомянутом списке П. Успенского этот документ фигурирует под 885 г., тогда как в „Истории Афона“ (т. III, ч. 1, стр. 37) П. Успенский указывает 872 г. У Ламброса в самом тексте документа приведен 875 г. и притом 2 индикт. Разумеется, в оригинале мог быть приведен только год от сотворения мира, а 875 г., не сочетающийся со 2 индиктом, является плодом

²⁰ Текст этого хрисовула частично сообщен уже Порф. Успенским („История Афона“, т. III, ч. 1, стр. 295; точный русский перевод — там же, стр. 37), затем его перепечатал Лейк (K. Lake. The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909, p. 76). Несколько более полный и исправленный текст опубликовал Сп. Ламброс в „Νεος Ἑλληνομνημων“, 9, 1912, σελ. 150. В упомянутом списке П. Успенского этот документ фигурирует под 885 г., тогда как в „Истории Афона“ (т. III, ч. 1, стр. 37) П. Успенский указывает 872 г. У Ламброса в самом тексте документа приведен 875 г. и притом 2 индикт. Разумеется, в оригинале мог быть приведен только год от сотворения мира, а 875 г., не сочетающийся со 2 индиктом, является плодом

пример иммунитета²¹, выраженный к тому же в понятиях и терминах, типичных и для позднейших, более подробных и красноречивых византийских иммунитетных грамот. Тут и царское *ἐξασφαλισόμεθα*, и столь характерное *ἐπιπράξειν*, приобретающее специальное значение податного взыскания, и даже запрет доступа на территорию иммунитета, считающийся классическим признаком полноты иммунитетных прав. Грамота завершается требованием, чтобы монахи оставались неприкосновенны (буквально, «нетревожимы» — *ἀνενοχλήτοι*) — опять-таки характернейшее выражение византийской иммунитетной терминологии.

Лев VI подтвердил постановления своего отца, определив, чтобы афонские монахи «пребывали неприкосновенны от всяких взысканий (ἀπό παντοίας ἐπιπράξεως) и обычно случающихся тревог (παρενοχλήσεως)»²². Привилегии, пожалованные Василием I и Львом VI, подтверждены затем хрисовулом Романа I Лакапина от августа 934 г. как в отношении афонских отшельников, так и в отношении монахов монастыря Иоанна Колову и так называемого дома старцев, который тоже не должен подвергаться никаким взысканиям ни со стороны епископов, ни со стороны архонтов или кого-либо другого²³.

Интересен ряд древних хрисовулов, содержание которых приведено в подтвержденной грамоте, выданной в 1059 г. Иверскому монастырю на

вычислений переписчика. Дэльгер (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, Teil I. München—Berlin, 1924. № 492) предполагает ошибку в вычислении и предлагает 873/4 г., но при этом сам впадает в сходную ошибку, так как 2 индикт отвечал бы не 873/4 а 883/4 г. Лейк (K. Lake. Op. cit., p. 59) предполагает ошибку при переписке числа индикта и предлагает вместо β' читать γ', так как 875 г. соответствует 8 индикту. Такая ошибка при минускульном письме действительно легко объяснима, но ничто, конечно, не гарантирует нам, что ошибка возникла именно при переписке цифры индикта. Таким образом, едва ли возможно сколько-нибудь точно восстановить дату этого документа, которая к тому же, как правильно отмечает Дэльгер, передана неполно, так как она должна была, конечно, содержать в оригинале и указание месяца. [См. „Дополнения“ на стр. 106].

²¹ На это справедливо указывает и К. А. Осипова („Закрепощение крестьян...“, стр. 79).

²² П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1, стр. 298 (русский перевод — стр. 45); K. Lake. The Early Days..., p. 86; Сп. Ламброс. „Νέος Ἑλληνομνημων“, σελ. 154.1. Эта грамота, главным предметом которой является известное дело монахов монастыря Иоанна Колову, присвоивших путем подлога обширные владения и чинивших насилие над афонскими пустынниками (ср. K. Lake. Op. cit., p. 72 sq.), тоже не может быть точно датирована. Как указывает П. Успенский (ук. соч., стр. 45), обозначения года, месяца и индикта на ней изгладлись. Почему он, тем не менее, относит ее к 887 г., остается неясным. Приведенный у Ламброса в самом тексте („Νέος Ἑλληνομνημων“, σελ. 154.14) 900 г., без всяких упоминаний месяца и индикта, не может, конечно, считаться надежным и только подтверждает сказанное выше о ненадежности года, внесенного им в грамоту Василия I. Дэльгер (F. Dölger. Regesten..., Teil I, № 514) относит грамоту Льва VI ко времени около 887 г. Кстати сказать, Ламброс не совсем правильно понял сообщение П. Успенского, что на оригинале грамоты Льва VI „от самого начала ее кто-то отрезал оба края для того, чтобы изрезанные кусочки пергамена надевать на уду и ловить ими рыбу“. Повторив это сообщение (без ссылки на его источник) и обозвав неизвестного рыбака варваром и чревоугодником, Ламброс (стр. 150—151) вообразил, что отрезаны края не только начала, но и конца документа, и, сверх того, отнес это указание не к грамоте Льва VI, а к грамоте Василия I. Это недоразумение перенял и Дэльгер (F. Dölger. Regesten..., Teil I, № 492).

²³ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1, стр. 299 (русский перевод — стр. 49); K. Lake. The Early Days..., p. 102; Сп. Ламброс. „Νέος Ἑλληνομνημων“, σελ. 155—156. Этот хрисовул, который Успенский относит к 920, Лейк — к 919, а Ламброс — на основании позднее приписанного года — к 942 г., выдан от имени императоров Романа, Константина, Стефана и Константина, т. е. после смерти старшего сына Романа I Лакапина, Христофора, умершего в 931 г., и, следовательно, согласно указанному в нем 7 индикту, может относиться только к 934 г., как правильно отметил уже Дэльгер (F. Dölger. Regesten..., Teil I, № 627).

Афоне судьей вила, нотарием и анаграфевсом Запада Львом²⁴. На первом месте при этом упоминаются хрисовулы Константина VII Багрянородного от 945/6 и 957/8 гг. Первым из них монастырю Иоанна Предтечи близ Солуни дается экскуссия на его владения и сидящих на них париков и дулопариков²⁵, иными словами, за монастырем признается и закрепляется право на все подати и повинности с сидящих на его землях крестьян. Вторым хрисовулом жалуется монастырю, называвшемуся Афонским, экскуссия на ряд владений на Кассандре²⁶. Сверх того монастырю Предтечи жалуется 36, а Афонскому монастырю 70 париков, свободных от государственных платежей и не несущих никаких казенных или царских повинностей²⁷, т. е. дается право поселить на своих землях указанное число крестьян, не связанных казенными обязательствами²⁸. Затем следует хрисовул Романа II 959/60 г., жалующий монастырю Иоанна Колову 40 свободных от податей париков в возмещение за принадлежавшие монастырю в области Иериссо участки, захваченные поселившимися там славянами-болгарами²⁹. Упоминается, наконец, хрисовул Василия II 979/80 г., дающий основателю Иверского монастыря, Иоанну Торникию, экскуссию на 60 государственных париков, пожалованных ему прежними хрисовулами, и на 40 париков, данных ему дополнительно³⁰.

Эти примеры дают уже довольно ясное представление о существе экскуссии. Они недвусмысленно удостоверяют, что экскуссия, жалуемая на известные земельные владения, обнимала сидящих на этих владениях крестьян³¹. Характерно, что анаграфевс Запада Лев, вкратце передавая лишь главное содержание древних хрисовулов, особенно отмечает это обстоятельство. Действительно, как мы уже сказали, в нем заключается самая суть средневекового иммунитета, так как в условиях феодализма пожалование финансового иммунитета и значит прежде всего закрепление за сеньором права на платежи и повинности его крестьян.

Разумеется, что хрисовулы, на которых мы остановились, являются древнейшими лишь в силу того случайного обстоятельства, что хрисовулы предшествующей эпохи до нас не дошли ни в копиях, ни в извлечениях. Не подлежит сомнению, что аналогичные хрисовулы выдавались и много ранее и что институт иммунитета-экскуссии был давно известен в Византии. Мы не намерены здесь говорить о позднеримском иммунитете, от которого византийская экскуссия существенно отличается³². Но укажем на яркий

²⁴ Эту грамоту издал и обстоятельно комментировал Дэльгер (F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jahrhundert. SBAW, 1952, Heft 1.). Вопрос ее хронологии решил Лемерль (P. Lemerle. Note sur la date des trois documents athoniques et sur trois fonctionnaires du XI-e siècle. „Revue des Études byzantines“, 10, 1952, p. 111 sq.).

²⁵ F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung... S. 7. 5.

²⁶ Ibid., S. 1. 8.

²⁷ Ibid., S. 1. 6, 9.

²⁸ Вопрос о попытках византийского правительства регулировать количество частновладельческих крестьян путем фиксирования их числа и проведения известных мер административного контроля рассмотрен в моей работе: G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 25 sq.

²⁹ F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung... S. 7. 12. Об этом любопытном сообщении см. подробный и очень ценный комментарий Дэльгера (ibid. S. 17—28) и мои замечания в статье „О византийском сельцима и војницима“ („Глас српске академије наука“, 214, 1954, стр. 45 сл.).

³⁰ F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung... S. 7. 16.

³¹ Неясно, почему Б. Т. Горянов („Поздневизантийский феодализм“, стр. 13) утверждает, что экскуссия впервые распространяется на париков в XII в.

³² Б. Т. Горянов (ук. соч., стр. 12) справедливо подчеркивает, что нет оснований выводить византийскую экскуссию из римского иммунитета, как это делал, напр., А. А. Васильев (A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 570).

пример экскуссии, относящийся к концу VII в. Это — сохранившийся в виде надписи эдикт Юстиниана II от 688/9 г.³³, который новейший его издатель, А. Грегуар, не без основания назвал прототипом позднейших византийских иммунитетных грамот³⁴. В ознаменование своего успешного похода против македонских славян Юстиниан дарует солунской церкви св. Димитрия соляные промыслы, находившиеся в окрестностях Солуни. Все доходы с них поступают в пользу церкви св. Димитрия, и церковь св. Димитрия не должна «никоим образом» платить за них подати, так как этот новый источник доходов жалуется ей «всцело и совершенно свободным». Интересно, что церковь св. Димитрия считается вступившей во владение пожалованным ей солончаком, а следовательно, получает с него доходы уже «с сентября текущего 2-го индикта» (688 г.), т. е. с начала данного года. С совершенно сходными постановлениями мы встретимся и в позднейших иммунитетных грамотах.

Надо думать, что и рассмотренные выше грамоты императоров македонской династии, давая ряду монастырей экскуссию, освобождали их от всех государственных податей и повинностей. Сомневаться в этом у нас нет оснований, так как никаких ограничений и оговорок упомянутые грамоты не содержат. Однако, как мы видели, П. А. Яковенко и К. Н. Успенский считали, что безоговорочность освобождения не является доказательством его полноты, и даже серьезно сомневались в том, что полное освобождение от всех податей и повинностей когда-либо давалось в Византии. Чтобы окончательно рассеять такие сомнения, мы обратимся теперь к источнику, который показывает с полной очевидностью, что освобождение от всех податей и повинностей в Византии давалось — и давалось нередко, даже во времена, далекие еще от полного развития феодальных отношений и подлинного расцвета экскуссии.

Это — опубликованный Эшбернером так называемый Трактат о взимании податей, или Податной устав³⁵. Этот замечательный документ, который не был еще известен ни П. А. Яковенко, ни К. Н. Успенскому, а теперь известен каждому византиноведу как ценнейший источник для внутренней истории Византии, составлен в X в., вероятно даже в первой половине X в.³⁶ При перечислении различных видов предоставляемых податных

³³ А. А. Vasiliev. An Edict of the Emperor Justinian II. „Speculum“, 18, 1943, p. 1 sq.; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinien II, daté de septembre 688. Byz., 17, 1944/5, p. 119 sq. См. мою хронологическую справку в книге: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 106. Anm. 3.

³⁴ H. Grégoire. Op cit., p. 124.

³⁵ W. Ashburner. A Byzantine Treatise of Taxation. JHS, 35, 1915, p. 76—84. Новое издание с очень обстоятельным и ценным комментарием: F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927; русский перевод Е. Э. Липшиц в книге: „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“. М., 1951, стр. 147—154; немецкий перевод и комментарий — в моей работе „Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert“. VfSWG, 20, 1927, S. 1—108.

³⁶ Это доказано, как мне кажется, неопровержимо в моей вышеупомянутой работе и в статье „Византийский податной устав“ („Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова“. Прага, 1926, стр. 109—124) и принято рядом исследователей: E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. Zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. VfSWG, 21, 1928, S. 158 f.; A. Andréadès. Deux livres récents sur les finances byzantines, BZ, 28, 1928, S. 292 f.; N. A. Constantinescu. La communauté de village byzantine et ses rapports avec le petit „Traité fiscal byzantin“. „Bulletin de l'Académie Roumaine“, 13, 1927, p. 160 sq.; idem. „Deutsche Literaturzeitung“, 1928, Sp. 1619. Дэльгер (F. Dölger Op. cit., S. 7 f.) предлагает лишь очень широкую и неопределенную датировку от 913 до 1139 г., что тоже принимается некоторыми исследователями. В настоящее время я подчеркнул бы сильнее, чем это сделано в моих указанных выше юношеских работах, большую вероятность отнесения этого документа именно к первой половине X в. Не говоря

льгот и объяснении их причин и способов применения в § 6 Податного устава говорится о так называемых *προκατεσπαρμένα λογίσματα*, т. е. изъятых (из писцовых книг) пожалований³⁷. «Эти так называемые изъятые пожалования, — говорит составитель Устава, — возникли в прежние времена и давались давно умершими императорами до царствования государя Льва, названного Мудрым. Возникли же они так: тот или иной император приказывал не взыскивать государственных податей с владений, принадлежащих тому или иному странноприимному дому, богадельне, монастырю, церкви или кому-либо другому, но упразднить их на вечные времена и считать императорским дарением. Ввиду этого, чтобы не подвергались беспокойству ни имеющие такое пожалование, ни взимающие подати и ведущие счета, графы этих пожалований совершенно вырывались и устранились из писцовых книг. Поэтому они и были названы изъянными пожалованиями»³⁸.

Совершенно очевидно, что речь здесь идет о полном, ничем не ограниченном и бессрочном освобождении от всех повинностей. Именно ввиду такого характера освобождения, владения, о которых идет речь, раз навсегда снимались с учета и производилось это весьма радикальным способом: записи данных владений в писцовых книгах просто-напросто устранились, чтобы не смущать ни сборщиков податей, ни пользовавшихся этой привилегией, данной на вечные времена. Характерно, что составитель Податного устава при этом говорит прежде всего о церквях, монастырях и так называемых богоугодных заведениях, которые, как известно, в Византии были очень многочисленны и пользовались широкими привилегиями. Но все же он не преминул упомянуть о возможности таких пожалований и «кому-либо другому», т. е., по-видимому, и светским землевладельцам. Очевидно, такие пожалования были частым явлением при ряде предшественников Льва VI (только ли при тех, что царствовали после окончательной победы православия над иконоборчеством, или и при управлявших в период его временной победы в конце VIII—начале IX в. и даже в доиконаборческую эпоху, или, наконец, в известной мере и известном направлении, и при императорах-иконоборцах, — сказать, конечно, трудно)³⁹. Полное отсутствие учета пользовавшихся такой привилегией владений, число которых постоянно возрастало, вызывало, как объясняет составитель Податного устава, известные неудобства, и это побудило администрацию Льва VI произвести их регистрацию, которая, однако, не меняла ничего по существу и нимало не свидетельствовала об отказе от самого принципа пожалования неограниченного иммунитета. Лев VI приказал произвести по округам перепись имеющихся в каждом из них «ранее изъятых пожалований»; получив собранные данные из всех фем и одобрив их, он велел записать общее их количество в списках центрального управления, по отдельным же

о том, что отражающиеся в нем социально-экономические отношения больше отвечают первой, чем второй половине X в. (и совершенно не отвечают XI и XII вв.), выражение *ο ἀποχωμένος βασιλεύς*, примененное к Льву VI в § 6 Устава, несомненно указывает на то, что составитель его писал не слишком много спустя после смерти этого императора, который для него „покойный император государь Лев“ — в отличие от его предшественников, „давно умерших императоров“.

³⁷ О значении понятия *λογίσματα* см. F. Dölger. Beiträge..., S. 144.

³⁸ W. Ashburner. A Byzantine Treatise..., § 6; F. Dölger. Beiträge..., S. 117.2—13.

³⁹ М. Я. Сюзюмов („Проблемы иконоборчества в Византии“. „УЗ Свердловского пединститута“, вып. IV, 1948, стр. 87) считает, что предоставление привилегий этого рода представляло собой сравнительно недавнюю практику. Однако прочных оснований это мнение не имеет. Но во всяком случае М. Я. Сюзюмов совершенно прав, решительно и весьма основательно возражая против теории К. Н. Успенского о максимальном развитии эксуссии в доиконаборческий период.

графам они занесены в копии писцовых книг, а в виде хрисовулов хранятся и в самих богоугодных домах⁴⁰. Последнее указание Податного устава является прямым свидетельством о большой древности имунитетных хрисовулов, некогда хранившихся в монастырских архивах.

Далее Податной устав дает ряд ценных сведений о других видах пожалований и податных льгот. Остановимся только на его указаниях о так называемых «именных» и «безыменных» пожалованиях. Смысл и тех и других один — полное освобождение от государственных податей; разница же заключается только в способе регистрации даваемого освобождения. И в том и в другом случае уполномоченный императором чиновник делает в податных списках ведомства логофета τοῦ γενικοῦ, над графой освобожденного от податной повинности, специальную пометку (προσγραφήν), гласящую: «пожаловано такому-то лицу» (ἐλογίσθη πρόσωπον τοῦ δεῖνα). Если пометка сделана красными чернилами («киноварью») и имя сделавшего ее чиновника указано, то такое пожалование называется «именным» (λογισμὸν ἐκφωνοῦμενον). Если же пометка сделана черными чернилами, без указания имени чиновника, то пожалование называется «безыменным» (λογισμὸν ἀνεκφώνητον)⁴¹.

Разумеется, такая регистрация в книгах центрального управления преследовала ту же цель, что и старая практика «изъятых пожалований»: гарантировать полноту и прочность пожалованной привилегии.

Описанный в Податном уставе способ регистрации в обоих своих вариантах засвидетельствован в ряде позднейших документов. Переходя к рассмотрению документов XI и XII вв., мы из большого числа имунитетных грамот этого периода сможем, конечно, остановиться лишь на некоторых, наиболее характерных примерах.

В мае 1086 г. проэдр Лев Кефала получил от императора Алексея I Комнина хрисовул на деревню Хостиану, в феме Моглен, пожалованную ему за успешную защиту Лариссы от норманских полчищ Боэмунда. Пожалованное имение с населяющими его крестьянами освобождается на вечные времена от всех государственных повинностей. Лев Кефала и его наследники не должны давать казне ничего, т. е. удерживают за собой все сборы со своих париков, и император приказывает, чтобы «в писцовых книгах названной фемы рукой его ближнего человека, логофета дрома протопроэдра Иоанна, была сделана пометка черными чернилами (προσγραφήναι διὰ μέλανος) в пользу упомянутого Кефалы (πρόσωπον τοῦ εἰρημένου Κεφαλᾶ) об упразднении всех платежей этой деревни», — чтобы, поясняет император, с начала текущего 9 индикта и до окончания веков эта деревня вообще не подвергалась никаким поборам, но все ее доходы считались пожалованными (λογίζεσθαι) Кефале и его наследникам⁴². Интересно отметить полную согласованность этого императорского распоряжения с указаниями и даже терминологией Податного устава⁴³. Ясно, что хрисовул

⁴⁰ F. Dölger. Beiträge... , S. 117. 20—24 и комментарий, стр. 145, где, наряду с другими ценными указаниями, Дольгер отмечает, что выражение δεξιόμενος означает принятие Львом VI существующих «изъятых пожалований», т. е. акт согласия и одобрения.

⁴¹ F. Dölger Beiträge..., S. 117. 31—37.

⁴² G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, № 41. 18—22; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 3. 17—19.

⁴³ Курьезно, что Дольгер, издатель и ученый комментатор Податного устава, недоумевает, почему в данном случае запись делается не красными, а черными чернилами, забывая, по-видимому, что Устав специально предвидит и такой способ записи. Ср. F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 30; idem. Zur Textgestaltung der Lavraurkunden. BZ, 39, 1939, S. 51.

Алексея I жалует Льву Кефале полный и неограниченный финансовый иммунитет, закрепляя за ним все доходы с деревни Хостианы и все платежи и повинности ее крестьян. Тем не менее даваемый в хрисовуле перечень повинностей, по обычаю того времени очень длинный и подробный⁴⁴, не приводит все же всех без исключения видов повинностей, существовавших в эту эпоху.

Интересно в этой связи бросить беглый взгляд и на другие известные нам пожалования Льву Кефале. Уже хрисовулом от ноября 1081 г.⁴⁵ Алексей I Комнин подтвердил ему, по его просьбе, выморочный участок в 334 модия в селе Тадрино, пожалованный ему еще Никифором III Воганиатом, с обязательством платить за него государственный налог в $47/12$ номисмы. Эту сравнительно небольшую сумму — но и только ее — Лев Кефала обязуется платить и впредь⁴⁶: он сам просил императора Алексея подтвердить хрисовулом его право владеть пожалованным участком неотъемлемо и «быть освобожденным от всякого и всяческого взыскания и зла (*ἐξχορσεβεσθαι δὲ καὶ ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπιτηρείας τε καὶ χαλώσεως*) и платить казне только эти $47/12$ номисмы»⁴⁷. Императорский хрисовул перечисляет далее целый ряд «взысканий и зол», от которых Лев Кефала освобождается⁴⁸. Этот перечень значительно короче, чем перечень хрисовула 1086 г. о пожаловании Хостианы; в нем отсутствуют многие повинности и подати, отчасти очень важные, как *συμωνή* и *εὐβρίον*, приведенные в хрисовуле 1086 г., в котором, в свою очередь, не приведен, например, столь важный налог, как *καπνικόν*. Реального значения это, однако, не имеет. Приведены ли в иммунитетной формуле хрисовула о пожаловании деревни Хостианы все существовавшие в это время сборы и повинности или же в ней, при всей ее длине, имеются все-таки, как мы отметили, известные пропуски, — ясно, что на Хостиану Лев Кефала получил полный финансовый иммунитет и за это владение, вычеркнутое из податных списков, не платил и не давал казне ничего. Ясно также, что за выморочный участок в Тадрине Кефала платил $47/12$ номисмы и ничего больше, независимо от того, какие подати приведены и какие, наоборот, опущены в формуле об экскусии выданного ему на этот участок хрисовула. Перечень отдельных податей и повинностей служит лишь своего рода иллюстрацией высказанного перед тем общего положения об освобождении. Большая или меньшая подробность перечисления зависит от обычая эпохи, в отдельных случаях — от большей или меньшей важности и торжественности пожалования, а возможно и от усердия писаря. Дать полный перечень всех существовавших видов налогов, особенно же всех повинностей, работ и поставок, ничего не забыв и не пропустив, было невозможно или почти невозможно, да и совершенно ненужно. Пример с выморочным участком в Тадрине ясно показывает, что там, где государственная подать, хотя бы частично, взыскивалась, это прямо и ясно указывалось, и чиновники не должны были об этом умозаключать, изучая с лупой перечень поименованных в формуле об экскусии повинностей.

⁴⁴ Actes de Lavra № 41. 28—61; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 3. 27—53.

⁴⁵ Actes de Lavra, № 37.

⁴⁶ Нет, однако, основания предполагать, как это делают издатели (Actes de Lavra, p. 98 и 100), что эта сумма представляла собой не подать, а только сбор, который, согласно Податному уставу § 29, взимался при передаче выморочных участков в размере $1/12$ действительной подати. В таком случае, как правильно отметила Дольгер (F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavraurkunden, S. 43), эта сумма была бы слишком высока.

⁴⁷ Actes de Lavra, № 37. 24—26.

⁴⁸ Ibid., № 37. 32—49.

Льву Кефале досталось и расположенное близ Солуни поместье Месолимны, прошедшее до того через несколько рук. Первоначально оно принадлежало солунянину Стефану Малейну, затем Никифор III Вотаниат подарил его двум вожакам чужеземных наемных отрядов, но после того как они примкнули к восстанию против императора, имение было у них отнято и возвращено в казну, из казны же оно перешло в 1083 г. в руки Льва Кефалы, когда Алексей I Комнин пожаловал его своему верному соратнику «на вечные времена» со всеми правами, всеми плодами, зевгарями и париками⁴⁹. Нужно думать, что это поместье было освобождено от государственных повинностей, но акт о его передаче не сохранился, а сохранившийся хрисовул от мая 1084 г. не освещает этого вопроса, лишь подтверждая ранее сделанное дарение. История этого дарения может служить иллюстрацией быстрого перехода византийских феодальных поместий из рук в руки. В конечном итоге оно, как и прочие владения Кефалы, по-видимому, перешло от его наследников во владение Лавры св. Афанасия, в архиве которой оказались все сохранившиеся документы о поместьях этого византийского магната.

С поместьями, пожалованными Льву Кефале в наследственную собственность, мы снова встречаемся в хрисовуле от октября 1089 г., которым они, после смерти Льва Кефалы, закрепляются за его наследниками. Здесь снова приведен только что упомянутое поместье Месолимны, снова приведен и выморочный участок в селе Тадрине, причем о нем — и только о нем — еще раз сказано, что он подлежит государственной подати в 47/12 номисмы⁵⁰. В хрисовуле говорится и о деревне Хостиана в феме Моглен, о которой и здесь повторено, что она совершенно освобождена от всех повинностей и что в обеспечение этого, по повелению императора, тогдашний логофет дрома сделал в податных списках фемы Моглен в пользу Льва Кефалы соответствующую собственноручную пометку черными чернилами⁵¹. Но говорится здесь и о поместье, которое нам еще неизвестно, так как хрисовул о его пожаловании, здесь упоминающийся, не сохранился. Это поместье, называвшееся Верхним, было ранее подчинено управлению царскими именными фемы Македония (τῆ ἐπισκέφει Μακεδονίας), но император «совершенно изъяс его из прав этого ведомства и, окончательно отчуждая от него, подчинил власти Кефалы, с тем чтобы оно ему принадлежало как господину и чтобы он со своими наследниками владел им по праву господства на вечные времена и мог его отчуждать любым способом, кому хочет и как хочет, безо всякого препятствия, поскольку это поместье совершенно изъясно из прав упомянутого выше ведомства по приказу нашей царской милости»⁵². Перед нами снова яркий пример иммунитета и, надо полагать, не только финансового⁵³.

⁴⁹ Actes de Lavra, № 38.

⁵⁰ Ibid., № 42. 12.

⁵¹ Ibid., № 42. 38—44.

⁵² Ibid., № 42. 24—31. О значении термина ἐπισκέφει см. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 151 f.

⁵³ В связи с пожалованиями Льву Кефале нельзя не вспомнить известного пожалования другому магнату этого времени, Андронику Дуке, полученному в 1073 г. от своего двоюродного брата, Михаила VII Дуки, крупный комплекс владений из фонда государственных земель Милетской области. В другом месте („Византийские писцовые книги“, стр. 230 сл.) мы уже подробно говорили об этом пожаловании, описанном в известной Патмосской писцовой книге (MM, VI, p. 4—15). Из документов, касающихся данного пожалования, особенно ясно видно, что Андроник Дука получал с пожалованных владений все доходы, которые до того с них получала казна, — „без всяких изменений“. Эти доходы жалуются ему уже с 1 сентября текущего индикта, т. е. с начала данного года, — точно так же как с начала текущего индикта были пожалованы в 1086 г. Льву Кефале доходы с деревни Хостианы, а че-

Как этот светский феодал, так и сама Лавра, к которой впоследствии перешли его владения, в это время имели иммунитет лишь на часть своих владений, за другие же платили казне подати, хотя и по крайне низкой расценке. Хрисовул Алексея I Комнина от мая 1109 г., которым был точно установлен размер причитающейся с Лавры подати и произведена ее раскладка, указывает в то же время, что платежи с освобожденных от податной повинности земель Лавры были по повелению императора вычеркнуты в податных списках красными чернилами (*διὰ κίτταβρέως*)⁵⁴. Тогда как в случае Льва Кефалы был применен порядок «безыменных пожалований» Податного устава, здесь перед нами, по терминологии того же устава, «именное пожалование».

Особенно интересный пример такого пожалования дает хрисовул того же Алексея I Комнина, выданный в апреле 1088 г. известному монаху Христудулу, основателю монастыря Иоанна Богослова на Патмосе⁵⁵. Император дарит Христудулу о. Патмос «в неотъемлемую и вечную собственность и господство, доколе стоит мир сей», и приказывает отменить и пожаловать ему (*ἐκχοπῆσαι καὶ λογισθῆσαι*) и все причитающиеся с этого острова государственные подати и повинности (*ἅπαντα δημόσια τέλη καὶ βάρη*), каковы бы и сколь велики бы они ни были, «сделав пометку в приказных списках красными чернилами рукой протопроэдра Константинополя и заведующего прошениями Хиросфакта, ближнего человека моей царственности»⁵⁶. Остров, говорится далее в хрисовуле, будет на вечные времена «изъят из царских прав и свободен от приказных пут»⁵⁷. Христудул будет им владеть «безданно, беспошлинно, на правах господина, полновластно, неотъемлемо и вечно»⁵⁸. Все доходы с о. Патмоса, хотя бы они в будущем значительно возросли, будут идти в пользу Христудула и его монахов и не подлежат ничьему контролю⁵⁹. Повторяя и варьируя на все лады эти положения и провозглашая остров и монастырь Христудула самовластным и свободным (*αὐτοδέσποτον τε καὶ ἐλεύθερον*), хрисовул заканчивается длиннейшим перечислением налогов и всевозможных поставок и повинностей, от которых владения Христудула освобождаются и которые не будут взыскиваться с них никакими гражданскими и военными чинами, тоже подробнейшим образом перечисленными⁶⁰. Это, пожалуй, самое длинное перечисление такого рода, какое нам вообще известно. Если существует византийский документ, который приводит все существовавшие в данную эпоху повинности и предвидит все возможные взыскания, то это, бесспорно, этот хрисовул.

Наиболее прочной гарантией полной экзимированности являлось, однако, аннулирование податных обязательств в книгах центрального управления. Христудул это прекрасно понимал и хлопотал о том, как бы что-нибудь не забылось и не осталось в книгах неотмеченным. Ввиду его просьб и настояний император специальным указом от мая того же 1088 г. не только подтвердил свое распоряжение об аннулировании всех лежавших

тыре века ранее — церкви св. Дмитрия в Солуни доходы с подаренного ей Юстинианом II солончака. При этом в данном случае специально указывается, что, если казна успела уже что-либо получить с пожалованных владений за текущий год, то полученное должно быть передано новому владельцу, Андронику Дуке.

⁵⁴ Actes de Lavra, № 53.

⁵⁵ ММ, VI, р. 44—48. Русский перевод М. В. Левченко — в книге «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 190—192.

⁵⁶ ММ, VI, р. 45, 21—24. Этот отрывок опущен в указанном переводе М. В. Левченко.

⁵⁷ ММ, VI, р. 45. 51—52.

⁵⁸ Ibid., р. 46.9.

⁵⁹ Ibid., р. 46. 11—13.

⁶⁰ Ibid., р. 47. 3—48. 14.

на владениях Христодула повинностей, но и определил, «чтобы, если что-нибудь случайно и осталось неотмеченным, оно все же считалось как бы изъятым и пожалованным киноварью»⁶¹. Этот замечательный указ, стремившийся заранее устранить всякую возможность вольных и невольных недоразумений, был доведен до сведения всех финансовых приказов и зарегистрирован в их книгах. На его копии, выданной Христодулу «для крепости», красовались подписи 23 высоких византийских чиновников.

Стремление обеспечить полноту и нерушимость иммунитетной привилегии выражено весьма любопытным образом и в указе матери императора, Анны Далассины, подтвердившей в июне 1087 г. освобождение от всех государственных повинностей ранее пожалованных Христодулу владений на о. Липсо и Леросе. Обращаясь к стратигу Самоса, которому были подчинены и окольные острова, императрица пишет: «Если тебе и будет прямо приказано сделать точную перепись всех владений и дать о том подробные сведения приказу, ты все же не должен переписывать их (т. е. владений Христодула. — Г. О.) и вносить итог в практик переписи, как не записаны они и в практике приказа, но устранены из него совершенно, будучи подарены монаху (Христодулу. — Г. О.) со всеми доходами и самими государственными налогами текущего индикта»⁶².

Итак, все платежи и повинности, шедшие с о. Патмоса, а также и с прочих пожалованных Христодулу владений, были аннулированы в писцовых книгах центрального управления. Монастырь Христодула пользовался всеми доходами со своих земель и взимал в свою пользу все подати со своих крестьян, обладая полным финансовым иммунитетом. Едва ли приходится сомневаться в том, что Христодул олицетворял и судебно-административную власть на своем острове, который был по существу изъят из ведения государственного управления.

Остановимся еще на одном интересном примере вычеркивания податных обязательств в писцовых книгах. Как известно, византийские монастыри не только пользовались различными податными льготами, но зачастую получали от правительства регулярные денежные вспомоществования. О таких ежегодных вспомоществованиях, называемых *σολέμνια*, ценные сведения сообщает уже Податной устав⁶³. Нередко упоминают их и грамоты. Пожалование солемния не предполагало непременно полного податного освобождения данного монастыря. Сплошь и рядом случалось, что монастыри, получая из казны солемний, в то же время платили государству подати за известные свои владения, причем обычно размер получаемого солемния превышал сумму уплачиваемой подати. Так, и Ватопедский монастырь на Афоне получал при Константине IX Мономахе и Михаиле VI солемний в 80 номисм; любопытно, что Исаак Комнин, старавшийся ограничить монастырские привилегии, уменьшил солемний вдвое, но затем он был снова повышен на 32 номисмы и составлял, таким образом, 72 номисмы. С другой стороны, Ватопедский монастырь за два свои поместья на Кассандре платил налог в 19 номисм. И вот монахи обратились к Алексею Комнину с просьбой, чтобы эти 19 номисм государственного налога были им «пожалованы киноварью» (*λογισθῶσι διὰ κινναβάρεως*) вместо 72 номисм солемния, который-де им затруднительно ездить получать в город и терять на это время. В то же время монахи просили, чтобы местному судье (*κριτής*) было воспрещено вступать (*εἰσερχεσθαι*) в их владения. Получение этой привилегии было для них, видимо, важнее

⁶¹ Ibid., p. 53. 20.

⁶² Ibid., p. 35. 10—16.

⁶³ Изд. Дэльгера (F. Dölger. Beiträge... , S. 117. 38 f.).

самого освобождения от податной повинности, потому что, как они указывали, судья взимал с их владений в качестве антиканиския иногда 20 номисм, а иногда и еще больше⁶⁴. Алексей I Комнин внял их просьбам и приказал, по уже известной нам формуле, сделать в писцовых книгах пометку киноварью о том, чтобы Ватопедский монастырь, перестав получать от казны солемний, не платил больше никаких налогов за свои владения и никто не имел права ничего с них взыскивать⁶⁵.

Этот любопытный документ с необыкновенной ясностью вскрывает особенное значение получения иммунитетной привилегии. Землевладелец освобождался не только от налогов в пользу казны, но и от добавочных поборов со стороны ее чиновников, известных неумеренностью своих appetitов. Как показывает приведенный пример, эти поборы могли превосходить сумму самих государственных податей и представляли столь тяжелое бремя, что Ватопедский монастырь отказался от ежегодного вспомоществования в 72 номисмы в обмен на освобождение от налога в 19 номисм, только чтобы не иметь дела с царскими чиновниками и спокойно получать ренту со своих крестьян, не делясь ею ни с государством, ни с его чиновниками. Разбираемый документ позволяет отчетливо почувствовать особенную притягательность, которую в глазах землевладельца имело воспреещение государственным чиновникам появляться в пределах его владений.

Разумеется, это верно в одинаковой мере как для духовных, так и для светских землевладельцев. Михаил Атталиат жаловался императору, что его дом в Редесте и поместья в феме Фракии и Македонии подвергаются постоянному расхищению податных чиновников и терпят от них несправедливо большой вред. Внимая его жалобам, Михаил VII Дука хрисовулом от октября 1074 г. изъял владения М. Атталиата и поселенных на них крестьян из ведения всех местных чиновников, воспретив доступ в его имения судьям, практорам и прочим податным сборщикам. Всем им и всем их подчиненным владения М. Атталиата должны оставаться отныне и до века совершенно недоступны (*ὅπως ἀνεπίβαρα*)⁶⁶.

Но интересно, что тем не менее М. Атталиат не был освобожден от всех повинностей в пользу государства. Он должен был, как это специально оговорено в хрисовуле, и впредь вносить налоги, которые до того ежегодно вносил⁶⁷, освобождался же он от всяких новых взысканий, «больших или малых», от приемов и постоев чиновников и всяких натуральных и отработочных повинностей. Хрисовул заканчивается длиннейшим перечислением повинностей, и денежных и натуральных, от которых владения Атталиата освобожились, — перечислением, принадлежащим к подробнейшим перечням этого рода. Подтвердительный хрисовул Никифора III Вотаниата от апреля 1079 г. дает тот же перечень и, главное, повторяет столь же категорически воспреещение чиновникам вступать во владения М. Атталиата, но в то же время повторяет и оговорку об обязанности Атталиата платить установленные основные налоги⁶⁸.

Каким же образом М. Атталиат уплачивал эти налоги? Очевидно, он вносил их прямо в казну без посредничества податных сборщиков. Так поступал, например, приблизительно в это же время, Иверский монастырь

⁶⁴ Как известно, термином *κανισκιον* (корзиночка) обозначалась обязанность крестьян подносить определенные подарки сеньору или чиновнику. Эта натуральная повинность часто заменялась денежным взносом; такую замену и выражает термин *ἀντικανισκιον* или *ἀντικάνισκον*, как это особенно ясно из рассматриваемого документа.

⁶⁵ Хрисовул Алексея I от февраля 1082 г. издан Аркадием Ватопедским („Гр. Παλαμᾶς“, 3, 1919, р. 211) и Гудасом (ΕΕΒΣ, 3, 1926).

⁶⁶ ΜΜ, V, р. 136.

⁶⁷ Ibid., р. 136. 22—24.

⁶⁸ Ibid., р. 139—140.

на Афоне. Согласно недавно опубликованной Дэльгером копии хрисовула Константина X Дуки от июня 1065 г., Иверский монастырь вносил налоги за известные свои владения непосредственно в приказ логофета του γενικου, «не подвергаясь притеснениям податного сборщика» (καὶ μὴ ἐνοχλεῖσθαι ὑπὸ τοῦ διοικητοῦ)⁶⁹. Сходный пример для позднейшего времени дает хрисовул Андроника II Зографскому монастырю 1327 г., к которому мы еще вернемся: как видно из этого хрисовула, зографские монахи, будучи обязаны платить казне ситаркию, сами собирали эту подать со своих крестьян и передавали ее податным чиновникам, которые не имели права доступа на их земли⁷⁰.

Защита от чиновничьего вмешательства и произвола безусловно представляла собой важную и очень ценимую льготу. Но эта льгота сама по себе не знаменовала непременно полноты иммунитета. Упрощенное представление, по которому запрет чиновникам вступать на территорию получившего эту привилегию лица является высшим выражением и главной сутью иммунитета, нуждается в существенных коррективах⁷¹. Предоставляя иммунитетные права, императорское правительство не следовало какой-либо твердо установленной и неизменной шкале норм, оно прибегало к различным формам освобождения и гарантий, применяя различные формулы, состоявшие из различных элементов. Стараясь вскрыть подлинный смысл жалуемой привилегии внимательным анализом текста иммунитетной грамоты, не следует, конечно, пренебрегать ни одним ее элементом, но не следует также впадать в формализм и излишний терминологический педантизм, предполагая в византийских документах точность и последовательность, которой они заведомо не обладали. Мы видели, что запрет чиновникам входить во владения получившего пожалования лица не исключал в известных случаях обязанности уплаты некоторых государственных податей. Мы видели, с другой стороны, что полный финансовый иммунитет часто представлялся и без такого запрета. Более того, на ряде примеров можно видеть, что полное освобождение от податной повинности фактически воспринималось как воспреещение доступа во владения иммуниста, хотя бы такое воспреещение и не было прямо высказано.

Известный нам уже хрисовул Алексея I Комнина Христудулу, при всей широте предоставляемого им иммунитета, не содержал прямого воспреещения чиновникам вступать на о. Патмос. Между тем монахи Патмосского монастыря, обращаясь в 1158 г. с прошением к императору Мануилу I, утверждали, что дед императора своим хрисовулом пожаловал Христудулу о. Патмос «свободным и независимым и всякому практору и переписчику совершенно недоступным»⁷². Дело в том, что, несмотря на все принятые в свое время Христудулом меры предосторожности и на все данные ему гарантии, практоры Самоса, являвшегося административным центром всех окрестных островов, стали беспокоить Патмосский монастырь разными требованиями. Все шло хорошо, по словам монахов, до вступления в должность на Самосе некоего Пигонита: в силу пожалованной им Алексеем I Комнином привилегии они пользовались «величайшим благом,

⁶⁹ F. Dölger. Finanzgeschichtliches aus der byzantinischen Kaiserkanzlei des 11. Jh. SBAW, 1956, Heft 1, S. 6. 1, 3—5.

⁷⁰ Actes de Zographou, ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korabiev (BB, т. XIII, 1907, прилож.), № 26.

⁷¹ Именно исходя из этого представления, П. А. Яковенко („К истории иммунитета...“, стр. 56 сл.) на основании хрисовулов, выданных М. Атталиату, пришел к выводу, что в Византии иммунитет не означал полного освобождения от уплаты податей и касался не столько основных налогов, сколько натуральных повинностей, в особенности связанных с приемом должностных лиц.

⁷² MM, VI, 111. 7—9.

сиречь свободой и правом безмятежно жить по-своему»⁷³. Но Пигонит стал требовать с них кораблей, о каких они слухом не слышали с тех пор, как стоит монастырь, и наложил на них и разные другие тяготы. Дальнейшие практоры следовали его примеру, требовали от игумена лошадей и говорили: «Вы давали Пигониту номисмы, сколько он с вас требовал. А я не меньше его, если не славнее еще, и должен брать больше его»⁷⁴.

Император Мануил Комнин в своем решении (ἀπόσις), подтверждая пожалование монастырю Иоанна Богослова на Патмосе свободы и самостоятельности, приказал, чтобы ни практоры, ни кто другой не причиняли монахам никакого вреда и ущерба, но «держались вдали от них»; ослушником же угрожал своим гневом и штрафом вчетверо против взысканного с монахов⁷⁵. Так вымогательства царских чиновников, не смущавшихся самыми широковещательными привилегиями, вели, в конечном счете, к предоставлению дальнейших привилегий и гарантий.

Что воспрещение доступа чиновникам сопровождалось иногда угрозой штрафа за его нарушение, показывают и другие документы. Так, например, хрисовул Исаака II Ангела от августа 1186 г. разрешает монастырю Богородицы Афинской в малоазиатской феме Миласа и Меланудий поселить на своих землях шесть париков, «неизвестных казне», и жалует на них экскуссию. Практорам и их помощникам воспрещается входить в их дома (εἰσερχεσθαι εἰς τὰς οἰκίας αὐτῶν), а за нарушение этого запрета хрисовул предусматривает высокий штраф в 4 литра золота⁷⁶. На этом примере опять-таки ясно видно, что крестьяне, фактические плательщики податей, являются и главным объектом экскуссии.

С развитием феодальных отношений в XII в. все большего расцвета и распространения достигал и институт иммунитета. В этом процессе крупную роль сыграло развитие системы прони, окончательно оформившейся в эпоху господства провинциальной военной аристократии при династии Комнинов. Ведь иммунитет является неотъемлемым атрибутом прони: получая в пронию государственные земли с сидящими на них крестьянами, прониар приобретает сеньориальные права над этими землями и этими крестьянами и взимает с них в свою пользу ренту, до того причитавшуюся казне⁷⁷. Известно повествование Никиты Хониата о том, как при Мануиле Комнине воины-прониары получали «царские грамоты, которыми им жаловались орошенные земли, плодородные нивы и податные ромен, которые должны служить им наподобие рабов»⁷⁸.

Поддерживая и умножая прониарские владения и усердно покровительствуя классу служилых людей, правительство Комнинов оказывало землевладению светских феодалов предпочтение перед землевладением церковным и монастырским. Эта тенденция, особенно ясно выразившаяся в политике Мануила I, не раз уже отмечалась⁷⁹. Но, разумеется, эта политика отнюдь не отменяла привилегированность церковного землевладения.

⁷³ MM, VI, p. 111. 29.

⁷⁴ Ibid., p. 112. 4—7.

⁷⁵ Ibid., p. 112—113.

⁷⁶ Ibid., p. 122. 3.

⁷⁷ Ср. мою работу „Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и јужно-словенским земљама“, Београд, 1951. Французский перевод Г. Ostrogorskiј. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

⁷⁸ Nicetas Choniata. Historia, vol. I—II. Bonnæ, 1835, p. 273. Выше (ibid., p. 272) Хониат говорит, что император Мануил „жажду войск утолял так называемыми дарениями париков“.

⁷⁹ К. Н. Успенский. Эккуссия-иммунитет..., стр. 90 сл.; P. Charanis. The Monastic Propertys and the State in the Byzantine Empire. „Dumbarton Oaks Papers“, 4, 1948, p. 82 sq.; G. Ostrogorskiј. Pour l'histoire..., p. 41 sq.; idem. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 31 sq.

Она стремилась лишь задержать в известных пределах его дальнейший рост. Известный указ Мануила I от марта 1158 г. воспрещает монастырям, расположенным в Константинополе и его окрестностях, увеличивать свои владения и число своих париков, но в то же время он торжественно подтверждает неприкосновенность всех ранее приобретенных монастырских владений и нерушимость их привилегий, особенно настаивая на полноте их иммунитетных прав и воспрещая чиновникам доступ на их земли в выражениях, не раз приводившихся как классический пример иммунитетной формулы: «Так желает моя царственность, чтобы все недвижимые владения названных монастырей считались каждым из практоров как бы не находящимися под его властью и началом; и подобно тому, как практоры в не подчиненных им фемах не имеют никакого права что-либо взыскивать или вообще что-либо в них делать, так и на недвижимых владениях монастырей практоры тех фем, к которым принадлежат эти недвижимости, пусть не считаются практорами»⁸⁰.

Не забудем, что цель этого указа — ограничить рост монастырского землевладения. И что же? С этой целью монастырям — и притом монастырям известной области, а отнюдь не всем монастырям — воспрещается приобретение новых владений, тогда как прежние их владения и привилегии признаются и гарантируются с особенной настоятельностью. Таким образом, сохранение существующих владений и существующих привилегий означало уже ограничение. Это доказывает как нельзя яснее, что развитие шло к дальнейшему росту крупного землевладения и расширению его привилегий. Не только покровительствуемые властью светские феодалы, но и монастыри, не подвергнутые ограничениям, т. е. огромное их большинство, продолжали увеличивать свои владения и число своих крестьян и получать новые привилегии. Институт иммунитета в Византии XII в. вовсе не «хирел», как это казалось К. Н. Успенскому, а, наоборот, рос и развивался. В этом убеждают нас архивы многих монастырей, пополнившиеся все новыми дарственными и иммунитетными грамотами. Еще яснее, надо думать, это было бы видно из архивов светских феодалов этой эпохи, если бы они сохранились. С ростом феодального землевладения и увеличением мощи феодальной аристократии укреплялось и ее привилегированное положение, огражденное правами иммунитета. В этом отношении каждая последующая эпоха естественно представляет собой шаг вперед, а не шаг назад, как думал К. Успенский.

Дальнейший расцвет эксуссии мы наблюдаем и в эпоху латинского владычества как в Никейском, так и в Эпирско-Солунском царстве. Близкое соприкосновение с феодальными порядками Запада не могло не стимулировать дальнейшего развития феодальных отношений на византийской почве, а тем самым и дальнейшего расцвета византийского иммунитета. Однако, несмотря на полное сходство византийского и западного иммунитета, дальнейшее развитие византийской эксуссии отнюдь не является результатом влияния западных образцов⁸¹, но продолжением многовекового внутреннего процесса. Как при изучении общей эволюции социально-экономических отношений, так и при специальном изучении института

⁸⁰ Jus, III, p. 454. 4—12 = J. et P. Zepos. Jus Graeco-Romanum, I, p. 384. 35—41; F. Dölger. Regesten. . . , Teil II. München—Berlin, 1925, № 1419; П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 8—9. Мы воспользовались переводом Яковенко с небольшими изменениями.

⁸¹ Эта точка зрения, защищалась рядом исследователей, с особенной настойчивостью Н. Н. Суворовым (см. его рецензию на работу: P. Grenier. L'empire byzantin. . . , ВВ, т. XII, 1906, стр. 226 сл.). [Окончание примечания см. на стр. 106].

иммунитета, являющегося одним из ее отражений, мы наблюдаем в новых византийских государственных образованиях последовательное развитие создававшихся в старой Византийской империи условий и встречаемся с теми же отношениями и уже знакомыми нам явлениями и формами. Конечно, и здесь мы должны ограничиться рассмотрением нескольких характерных примеров.

Известная коллекция грамот монастыря Богородицы Лемвиотиссы, дающая богатейший материал для социально-экономической истории Никейской империи, содержит ряд важных данных и по вопросу об иммунитете. Очень интересен в этом отношении уже первый хрисовул Иоанна III Ватаци от августа 1228 г., которым монастырь Лемвиотиссы был восстановлен после латинского разорения и получил в дар от императора, наряду с другими владениями, крупное поместье Вари с жившими в нем крестьянами⁸². Хрисовул указывает, что экскуссия дается на это поместье и на его париков⁸³, и перечисляет затем некоторые подати и повинности, от которых они освобождаются, т. е. будут их впредь давать не государству, а монастырю Лемвиотиссы. Однако в конце перечисления, для этого времени довольно подробного, по сравнению же с аналогичными перечислениями хрисовулов XI в. краткого и суммарного, отмечено, что две подати, *ситаркия* и *агапья*, изымаются из экскуссии и должны вноситься в казну⁸⁴. За исключением же этих двух податей, как еще раз подчеркивает император, монастырь освобождается от всякой повинности, «хотя бы она не была прямо поименована в настоящем хрисовуле моей царственности» (*καὶ μὴ ρητῶς αὐτῆ ἐξερωνήθη ἐν τῷ παρόντι χρισοβούλλῳ τῆς βασιλείας μου*)⁸⁵.

Конечно, очень любопытно, что, давая экскуссию своему, «императорскому» монастырю, которому он всячески покровительствовал, Иоанн Ватаци считал нужным ограничить эту экскуссию, исключив из нее главный налог — ситаркию, имевший в это время значение поземельной подати, а также и *агапья*, значение которой остается неясным. Но еще любопытнее то, как скоро он от этого введенного было ограничения отказался. В последующих документах монастыря Лемвиотиссы мы не найдем больше оговорок, обязующих его к уплате названных двух податей. Простагмой от августа 1232 г. принадлежащий монастырю Лемвиотиссы метох св. Георгия близ Смирны был даже специально освобожден от лежащей на нем ситаркии в 1 иперпир⁸⁶. Более того, уже указом от июня 1227 г. Иоанн Ватаци разрешил монастырю Лемвиотиссы, по просьбе ее игумена Гервасия, сесть в своих владениях «неизвестных казне чужаков», заранее освобождая их от всех повинностей, «даже и от двух податей — агапы и ситаркии»⁸⁷.

В другом месте мы отметили, что право принимать так называемых элевтеров, или чужаков, в этом документе впервые, насколько нам известно,

⁸² MM, IV, p. 1—4.

⁸³ Ibid., p. 3. 34.

⁸⁴ Ibid., p. 4. 8: *ἀνευ μόνων τῶν τῷ δημοσίῳ ἀνηρόντων δύο κεφαλαίων τῆς ἀγάπης καὶ τῆς σιταρκίας.*

⁸⁵ Ibid., p. 4. 10.

⁸⁶ MM, IV, p. 45. 28. Cp. F. Dölger. Chronologisches und Prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jahrh. BZ, 27, 1927, S. 312, Anm. 6.

⁸⁷ F. Dölger. Chronologisches..., S. 249. 10. Ввиду упоминания игумена Гервасия, а также Дмитрия Торника (через которого документ выдан), этот указ, датированный июнем XV индикта, если только не предполагать ошибки в цифре индикта, должен быть отнесен к 1227 г. П. А. Яковенко („К истории иммунитета...“, стр. 28) утверждал, что он издан „по истечении небольшого времени“ после хрисовула от августа 1228 г., но ничем этого утверждения не обосновал. 1227 г. приведен уже В. Г. Васильевским („Материалы...“, ЖМНП, ч. 210, 1880, стр. 117) и Б. А. Панченко („Крестьянская собственность“. София, 1903, стр. 81) и обоснован Дэльгером (F. Dölger. Op. cit. S. 303, Anm. 1 и S. 317, Anm. 6).

дается без всякого ограничения, тогда как ранее византийское правительство, разрешая церковным или светским феодалам поселять на своих землях новых париков, неизменно ограничивало и точно фиксировало их максимальное число⁸⁸. Отказ от строго проводившегося в предшествующие века контроля над числом париков в частновладельческих поместьях знаменовал существенный поворот в соотношении сил между государственной властью и землевладельческой феодальной аристократией: власть сдавала свои позиции, феодалы же свои позиции укрепляли и расширяли круг своих привилегий. Еще явственнее эти сдвиги станут в эпоху Палеологов.

«Чужаки», право поселения которых было пожаловано игумену Гервасию, не замедлили появиться в поместьях монастыря Лемвиотиссы. Составленный стратопедархом Фокой в марте 1235 г. практик упоминает о них в селе Вари наряду с прежними париками Лемвиотиссы⁸⁹. Хрисовул Иоанна III Ватаци от июня 1235 г. включает их, вместе с париками, в формулу экскуссии. Что для нас особенно интересно, экскуссия, даваемая этим хрисовулом, не содержит никаких ограничений. Перечисление податей, от которых монастырь освобождается, в основном повторяет перечень хрисовула 1228 г. и также завершается заявлением, что освобождение распространяется на все повинности, хотя бы они и не были упомянуты в приведенном перечислении⁹⁰. Но оговорки об обязанности уплаты агапы и ситаркии здесь нет. Нет ее и в дальнейших хрисовулах, выданных монастырю Лемвиотиссы⁹¹. Эта наложенная было на монастырь Лемвиотиссы обязанность отпала и отпала очень быстро, после чего монастырь пользовался полным и неограниченным иммунитетом.

Любопытно, что, несмотря на неограниченность экскуссии, даваемой хрисовулом 1235 г., и в этом хрисовуле ничего не говорится о запрете государственным чиновникам вступать на территорию монастыря Лемвиотиссы. Между тем в связи с жалобами монахов на то, что, вопреки данным им привилегиям, крестьяне их метохов подвергаются вымогательствам сборщиков податей и других царских чиновников, император в простагме от июля 1239 г., обращенной к дуксу Фракисийской фемы Феодору Иканату, указывал, что ни чины его управления, ни другие должностные лица не должны вообще входить в метохи Лемвиотиссы и притеснять живущих на них крестьян (*μητε το μερος σου εισερχηται βλας και διασειη τους εν τοις τοιούτοις μετοχοις*). Ссылаясь на свой хрисовул (очевидно, на хрисовул 1235 г.), император призывает Иканата, как главу местной администрации, защитить монастырские метохи от чиновничьего произвола и еще раз приказывает, чтобы «никто не осмеливался вообще ставить на них своей ноги»⁹².

Перед нами не новая привилегия, а лишь вывод из данного ранее иммунитета. Действительно, предоставление полного освобождения от всех государственных повинностей как бы влекло за собой воспреещение государственным чиновникам вступать во владение иммунитета и было, по существу, равносильно такому воспреещению. Поскольку монастырь Лемвиотиссы, в силу выданного ему в 1235 г. хрисовула, не имел больше по

⁸⁸ G. Ostrogorskij. Quelques problèmes... , p. 25 sq.

⁸⁹ MM, IV, p. 14.

⁹⁰ Ibid., p. 21. 24.

⁹¹ Ср. хрисовулы Иоанна IV Ласкариса от сентября 1258 г., Михаила VIII Палеолога от декабря 1262 г. и Андроника II от апреля 1284 г. (MM, IV, p. 22—26, 26—28, 28—32). О хронологии первого из этих хрисовулов см. у Дэльгера (F. Dölger, Chronologisches..., S. 299 ff.), который убедительно доказал, что эта грамота относится не к сентябрю 1251 г., а к сентябрю 1258 г. и, следовательно принадлежит не Иоанну III Дуке Ватаци, а Иоанну IV Дуке Ласкарису.

⁹² MM, IV, p. 215. 20 и 24.

отношению к государству никаких обязательств, государственные чиновники не имели ни надобности, ни основания появляться в пределах его владений.

Так толковал свое пожалование сам император, так понимали его — на это указал уже П. А. Яковенко — высшие представители местной администрации⁹³. Особенно любопытно и характерно толкование, которое дает императорскому хрисовулу дукс Фракисийской фемы пинкерна Иоанн Кантакузин, правда, вероятно не без влияния только что цитированной простагмы 1239 г. В своей грамоте от января 1247 г. пинкерна Кантакузин категорически утверждает, что монастырь Лемвиотиссы имеет хрисовул, определяющий, чтобы чиновники казны никак не входили в его владения (μηδὸλος εἰσερχεσθαι τὸν δημόσιον), но «совершенно отступились от них» (ἀλλὰ ἀπέχειν τέλειον ἐξ αὐτῶν). Поэтому Кантакузин наказывает своим подчиненным ничего не требовать с этого монастыря, «но совершенно отступить от него и всего принадлежащего ему, как это повелел божественный хрисовул», угрожая им в противном случае штрафом и бесчестьем⁹⁴.

Все это в тех же выражениях повторяет и дукс Фракисийской фемы Георгий Макрин в грамоте от июля 1256 г.⁹⁵, очевидно пользуясь документом своего предшественника. Но, повторяя буквально слова своего предшественника, Георгий Макрин делает к ним интересное добавление. В конце грамоты он ссылается на имеющиеся у монастыря Лемвиотиссы хрисовулы и простагмы, согласно которым этот монастырь не должен иметь «совершенно никакой общности и соприкосновения с Смирной (т. е. Смирнским катепаникием — округом Фракисийской фемы, в пределах которого находился монастырь Лемвиотиссы), но, будучи самостоятелен (ὡς ἴδιον), должен пребывать как бы вне ее»⁹⁶, и потому не подлежит никаким государственным повинностям и взысканиям.

Это добавление, несомненно, навеяно простагмой Иоанна III Ватаци от ноября 1252 г. Император выговаривает вестигариту Стронгилу Стиппиоту за то, что тот требовал с Лемвиотиссы гребцов и вьючные повозки «наравне с прочей страной», тогда как он, император, «совершенно отторг этот монастырь и принадлежащие ему владения от страны» (ἅπαξ γάρ

⁹³ П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 11 сл.

⁹⁴ MM, IV, p. 216—217. Документ подписан „ὁ πινκέρνης“. Но из MM, VI, p. 183. 14 и MM, IV, p. 139. 20 видно, что пинкерна Иоанн Кантакузин был дуксом Фракисийской фемы. Поскольку Дэльгер (F. Dölger. Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Kloster auf Patmos. BZ, 28, 1928, S. 365; idem. Chronologisches. . . , S. 312, Anm. 9) убедительно показал, что эти две грамоты относятся к 1244 и 1245 гг., мы можем нашу грамоту, согласно индикту V, с уверенностью датировать 1247 г. Заметим лишь, что Дэльгер (F. Dölger. Chronologisches. . . , S. 309) ошибочно связал с дуксом Фракисийской фемы, пинкерной Иоанном Кантакузином, упоминаемого в MM, IV, p. 216. 1 (без какого-либо титула) Мануила Кантакузина. В 1257 г. (MM, IV, p. 70. 20), как отметил тот же Дэльгер („Chronologisches. . .“ S. 309, Anm. 3), пинкерна Кантакузин упоминается уже как умерший.

⁹⁵ MM, IV, p. 224—225. Датировка этой грамоты от июля XIV индикта основывается на упоминании дукса Фракисийской фемы Георгия Макрина в императорской простагме от мая того же XIV индикта (MM, IV, p. 247), которая, несомненно, относится к 1256 г. Ср. F. Dölger. Chronologisches. . . S. 309, Anm. 5. Хрисовул Иоанна IV Ласкариса от сентября 1258 г. (MM, IV, p. 22—26) не содержит воспрещения доступа (о его хронологии см. выше прим. 91). Но хрисовул Михаила VIII Палеолога от декабря 1262 г. (MM, IV, p. 28. 1—5) вносит воспрещение „всякому лицу“, вопреки определению имеющихся у монастыря документов, „заносить грабительскую руку и насильническую ногу на принадлежащие ему вещи“, что можно понимать как воспрещение доступа. Ср. П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 7. Хрисовул Андроника II от апреля 1284 г. (MM, IV, p. 28—32) опять-таки никакого запрета доступа не содержит.

⁹⁶ MM, IV, p. 224. 30—32.

ἀπεκοφε ταύτην ἢ βασιλεία μου καὶ τὰ κατ' αὐτὴν κτήματα ἀπὸ τῆς χώρας), и монастырь не должен иметь никакого участия в совместном несении тягот с прочей страной⁹⁷.

Приведенные документы вскрывают характер пожалованного монастырю Лембиотиссы иммунитета яснее и полнее, чем сами хрисовулы. В то же время они нам лишний раз показывают, что, слишком формально и ограничительно толкуя даваемые в хрисовулах иммунитетные формулы, мы рискуем недооценить их подлинный смысл. Жалуемое хрисовулами полное освобождение от всех государственных повинностей понималось как воспрещение должностным лицам вступать на территорию пожалованного, независимо от того, было ли такое воспрещение в хрисовуле прямо высказано. Более того, согласно лапидарному выражению самого Иоанна Ватаца, оно означало пресечение всякой связи между владениями получившего пожалование лица и прочей государственной территорией.

Ценные сведения об иммунитете дают и документы Эпирско-Солунской империи, сохранившиеся, как известно, в сравнительно небольшом числе. Исключительный интерес представляет хрисовул императора Феодора Ангела Дуки, пожалованный Навпактской митрополии в мае 1228 г. Навпактская митрополия освобождается от всех налогов, натуральных повинностей, поставок и работ и вообще от всякого государственного сбора, «каким бы он именем ни назывался, существует ли ныне или будет придуман впоследствии»⁹⁸. Если же, продолжает император, он сам когда-нибудь велит взыскать какую-либо денежную или натуральную подать и с владений Навпактской митрополии, «то пусть такое распоряжение моей царственности считается сделанным по забывчивости, хотя бы оно и содержало специальную оговорку, гласящую, что хрисовулы моей царственности отменяются этим сбором»⁹⁹.

Мы уже не раз наблюдали, что составители иммунитетных грамот, жалующих особенно видным лицам или влиятельным церковным учреждениям, стремились не только всемерно подчеркивать полноту даваемого иммунитета, но и предотвратить все возможности его нарушения и ограничения в будущем. В цитированном хрисовуле солунско-эпирского императора Феодора это стремление доведено до предела. Навпактская митрополия, сыгравшая крупную роль при возвышении Феодора, получает освобождение от всех родов государственных повинностей, настоящих и будущих. Но этого мало, так как может случиться, что будет объявлен специальный сбор, приостанавливающий действие существующих привилегий. На этот случай император заранее определяет, что Навпактская митрополия не подлежит и такому чрезвычайному налогу. Наконец, если он сам почему-нибудь прикажет взыскать такой экстраординарный сбор с названной митрополии, ссылаясь на его общеобязательный характер, то и такое его приказание не должно иметь силы, но будет считаться сделанным по недоразумению. Далее идти в этой цепи возрастающих привилегий и все повышающихся гарантий уже некуда.

Приведем еще характерную красочными формулировками «хрисовульную грамоту», которую эпирский деспот Михаил II в мае 1246 г. пожаловал своему зятю, Константину Малиасину, основателю известного фесса-

⁹⁷ Ibid., p. 251. 11. По-видимому, эта простагма издана в промежутке времени, отделяющем грамоту пинкерны И. Кантакузина от грамоты Г. Макрина, что дает нам основание отнести ее, согласно индикту XI, к 1252 г. Дэльгер (F. Dölger. Chronologisches. . ., S. 318, Anm. 3) не видел данных для ее датировки и предложил условно 1237 или 1252 г.

⁹⁸ В. Г. Васильевский. *Epirotica saeculi XIII. BV*, т. III, 2, 1896, стр. 297. 37.

⁹⁹ Там же, стр. 298. 2—5.

лийского монастыря Макринитиссы¹⁰⁰. Деспот подтверждает владельческие права К. Малиасина на монастырек кира Иларииона в области Алмира и одновременно освобождает его от подати в $2\frac{1}{3}$ иперпира, которая лежала на владениях этого монастырька. При этом он наказывает всем чиновникам, «то есть практорам Алмира, составителям переписей, заместителям, катепанам, архонтам, сборщикам податей и всякому другому исполняющему казенную должность лицу, чтобы они держались вдали и отступились от этого монастыря и его владений и не имели к нему никакого отношения, будучи выброшены и выпровождены из него силой нашей хрисовульной грамоты»¹⁰¹. Ослушникам деспот угрожает своим «тяжелым гневом» и штрафом в два литра иперпиров в пользу казны. Замечательно, что при составлении переписей сборщики податей области Алмира должны были получать с К. Малиасина расписку, удостоверяющую, что упомянутая сумма в $2\frac{1}{3}$ иперпира не была с него взыскана.

Эпоха Палеологов обнаружила дальнейшее усиление феодальной аристократии и дальнейшее, весьма ощутительное ослабление центральной власти. Такое соотношение сил не могло не отразиться на росте феодальных привилегий, в частности на расширении иммунитетных прав. Мы указывали на то, что уже в эпоху Никейской империи значительно ослабел ранее проводившийся правительственный контроль над увеличением числа париков на частновладельческих землях. В эпоху Палеологов этот контроль фактически совсем сошел на нет, и массы обнищавшего, бездомного деревенского населения, множившиеся с экономической разрухой и разрушительными войнами, неудержимо хлынули в поместья светских и духовных феодалов, увеличивая число их рабочих рук и плательщиков феодальной ренты¹⁰².

Расширилась и привилегированность прониаров: поместья прониаров закреплялись за ними и их потомками, превращаясь в наследственные владения. Уже основатель династии Палеологов, Михаил VIII, широко раздавал такие привилегии, а при его преемниках их раздача приняла массовый характер¹⁰³. Хотя наследственная прония сохраняла свой статус служилого и условного владения и не становилась вотчинной собственностью прониара, независимость прониаров по отношению к центральной власти возрастала.

В общем процессе упадка государственной власти и роста феодальных сил неизбежно множилось и иммунитетные права феодального землевладения, как прониарского, так и вотчинного, как светского, так и духовного. Правда, мы видели, что и в предшествующие века в Византии было немало феодальных владений, пользовавшихся полной и неограниченной экскуссией. Но с течением времени число таких привилегированных владений неуклонно росло. Этот рост был тем значительнее, что однажды пожалованные привилегии сохраняли свою силу и после смерти получившего пожалование лица, переходя на его наследников. Не угасали они обычно даже при отчуждении владения, на которое были выданы. В купчих и дарственных грамотах часто встречаются указания, что то или иное владение освобождено от податной повинности и что, следовательно, и новый владелец не будет нести с него никаких повинностей. Иммунитетные права, пожалованные на определенное владение, становились как бы его атрибутом и, по желанию владельца, могли быть перенесены на другое лицо или цер-

¹⁰⁰ ММ, IV, p. 345—349.

¹⁰¹ ММ, IV, p. 348. 17—24.

¹⁰² Ср. G. Ostrogorski. Quelques problèmes... p. 35 sq.

¹⁰³ Ср. G. Ostrogorski. Pour l'histoire... p. 92 sq.

ковное учреждение¹⁰⁴. Лицо или учреждение, получившее иммунитетные права, как бы становилось собственником данной привилегии и могло располагать ею по своему усмотрению. Оно становилось собственником выданной ему иммунитетной грамоты, которая в его руках приобретала свойства своего рода ценной бумаги¹⁰⁵.

Ни один род землевладения в Византии никогда не был в целом освобожден от государственных повинностей. Одни пользовались таким освобождением, другие им не пользовались, или же были освобождены только от некоторых, но не от всех повинностей, или, наконец, пользовались иммунитетом лишь на некоторых своих владениях, за другие же продолжали вносить подати. Расширение иммунитета, которое мы из века в век наблюдаем, выражается, прежде всего, в том, что освобождение от повинностей получают и те, которые его ранее не имели; что имевшие ограниченное освобождение все чаще приобретали полный иммунитет, освобождаясь и от тех повинностей, которые прежде несли; что пользовавшиеся иммунитетом только на некоторых своих владениях получали привилегии и на остальные земли, первоначально подлежавшие податной повинности. Этот процесс можно проследить на многих и многих примерах.

Предоставление привилегий не было только проявлением милости императора к своим служилым людям и благочестивого благоволения к монастырям и прочим церковным учреждениям. Оно было и результатом вынужденных уступок перед требованиями могущественных и влиятельных светских и духовных феодалов. Пожалованиям часто предшествовали прошения заинтересованных. Уступая их домогательствам, императорское правительство нередко пыталось их умерить, вводя в жалуемые привилегии известные ограничения. Характерно, что попытки такого рода были особенно часты в последние века существования империи. Еще характернее, что они не имели успеха и обычно были недолговечны.

Мы видели, что еще Иоанн III Ватацци пытался ограничить предоставляемые иммунитетные права, исключив из них две подати, ситаркию и агапу. Но мы видели также, что в отношении монастыря Лемвиотиссы он очень быстро отказался от этого ограничения, освободив его и от этих двух податей и тем самым предоставив ему полную и неограниченную экскуссию. Еще интереснее другой пример, касающийся фессалийских монастырей Макринитиссы и Новой Петры, принадлежавших крупному магнату Николаю Комнину Малиасину и его жене Анне из рода Палеологов. Хрисовулом от мая 1272 г. Михаил VIII Палеолог освобождает владения и крестьян монастыря Макринитиссы от всех повинностей, «за исключением двух статей: τῆς τε υαστροκτισίας καὶ κητεροϋκτισίας», т. е. обязан-

¹⁰⁴ На передаваемость иммунитетных прав справедливо указывает Э. Гликаци (H. Glyka tzi. L'épitéleia dans le cartulaire de Lemviotissa, Byz., 24, 1954, p. 71 sq.).

¹⁰⁵ Особенно красочной иллюстрацией этого положения может служить документ, относящийся еще к концу X в. Из него мы узнаем, что основатель эфонской Лавры Афанасий просто-напросто подарил пожалованный ему хрисовул своему другу и основателю Иверского монастыря Иоанну Торникию. Как говорит Афанасий в своей грамоте от декабря 984 г. (F. Dölger. Aus den Schatzkammerg., № 108), Иоанн Торникий много потрудился о пользе его Лавры, — и вот в благодарность за его заслуги Афанасий дарит ему хрисовул императора Василия II, который был ему, Афанасию, пожалован и содержал освобождение от пошлин на судно вместимостью в 6000 модиев. Интересно, что кроме этой привилегии хрисовул Василия II давал экскуссию на 25 крестьянских дворов, принадлежавших Лавре в г. Хрисополе. Так как от этой льготы Афанасий не намерен был отказываться, то найден был следующий выход: подаренный Иоанну Иверскому хрисовул становился собственностью Иверского монастыря, но в случае надобности иверские монахи должны были доставлять его Лавре для предъявления сборщикам податей, т. е. давать ей во временное пользование.

ности участия в постройках крепостей и кораблей, обычно в Византии коммутируемой. Эти две статьи, как «общеполезные» (ὡς κοινωφελῆ), должны уплачиваться и названным монастырем¹⁰⁶. Но немного спустя, хрисовулом от сентября 1274 г., Михаил VIII, подтверждая владельческие права и привилегии монастырей Новой Петры и той же Макринитиссы, освобождает их от всех повинностей, «за исключением только одной статьи кастроктисии». Следует та же декларация о ее «общеполезности»¹⁰⁷. Таким образом, за монастырями Малиасинов осталась только повинность «градостроения», обязанность же «кораблестроения», несмотря на свою «общеполезность», отпала по прошествии всего нескольких лет. Но и кастроктисия, занимавшая важное место в системе византийского обложения и часто упоминаемая в поздневизантийских документах, известная и в средневековой Сербии как «градозидание», и на Руси как «городовое дело», по-видимому, недолго обременяла монастыри Малиасинов. Изданный позднее в пользу монастырей Макринитиссы и Новой Петры хрисовул того же Михаила VIII не говорит уже ни о каких ограничениях¹⁰⁸.

На этом примере мы особенно ясно наблюдаем процесс расширения иммунитетных прав и постепенного отказа верховной власти от попыток их ограничения. Вспомним при этом, что один из метохов Макринитиссы, так называемый монастырь кира Илариона, подлежал в свое время подати в $2\frac{1}{3}$ иперпира, отмененной затем в угоду основателю монастыря Макринитиссы Константину Малиасину, отцу Николая, хрисовульной грамотой эпирского деспота Михаила II от 1246 г., о которой мы говорили выше. По просьбе Николая Малиасина грамота Михаила II была в 1266 г. подтверждена аргировулом деспота Никифора, ограждающим названный метох, тоже в весьма красочных выражениях, от доступа местных чиновников¹⁰⁹, а в 1268 г., после перехода данной области под власть Константинополя, грамотой брата императора Михаила VIII, деспота Иоанна Палеолога, из которой видно, что податные чиновники, вопреки всем запретам, пытались взыскивать с метоха Илариона и его «бедняков» как прежнюю подать в 23 иперпира (!), так и еще 10 иперпиров за приобретенный впоследствии виноградник¹¹⁰.

Немалый интерес представляют в этой связи и данные некоторых писцовых книг, в частности двух писцовых книг Эсфигменского монастыря на Афоне, к сожалению, опубликованных со значительными пропусками¹¹¹. Согласно первой из них, составленной, по-видимому, в 1298/9 г.¹¹², Эсфигмен в то время имел годовой доход в 141 иперпир. Из этой суммы он удерживал в свою пользу 123 иперпира, а 18 иперпиров должен был давать казне в уплату за некоторые подати (сохранились названия двух налогов: *χάραγμα* и *διδόδατον*), о которых здесь сказано, как можно догадываться, несмотря на пропуск в тексте, что они взыскиваются даже с царских

¹⁰⁶ MM, IV, p. 332. Очевидно, Михаилом VIII издан и хрисовул пансевасту Димитрию Мурину, освобождавший от всех повинностей кроме кастроктисии и катергоктисии, которые владения Мурина должны были давать казне, как это делали и прочие *προσωπικά κτήματα*. Этот документ, дата которого не сохранилась, опубликован X. Ктенасом в конце изданной им коллекции хрисовулов Дохиарского монастыря: ΕΕΒΣ, 4, 1927, № 11, p. 308—311.

¹⁰⁷ MM, IV, p. 335.

¹⁰⁸ Ibid., p. 336—339; F. Dölger. Regesten..., Teil III. München—Berlin, 1932, № 2012.

¹⁰⁹ MM, IV, p. 352.

¹¹⁰ Ibid., p. 387—388.

¹¹¹ Actes d'Esphigmenou, éd. L. Petit et W. Regel. BB, т. XII, 1906, прилож., p. XIV—XV, XV—XVIII.

¹¹² Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 227 сл.

поместий¹¹³. Между тем вторая писцовая книга Эсфигмена, составленная около 1320 г.¹¹⁴, не содержит уже никаких оговорок, и весь доход, значительно возросший за истекшие 20 лет, без всяких оговорок предоставляет Эсфигменскому монастырю¹¹⁵. Добавим, что Эсфигменский монастырь имел право взимать со своих париков судебные пошлины, так называемый аир. Но тогда как ко времени составления первой писцовой книги из этого права были исключены пошлины за убийство, деворастление и обретение клада и ограниченный таким образом аир составлял всего 8 иперпиров¹¹⁶, во втором практике аир предоставлен монастырю без всяких ограничений и составляет сумму в 20 иперпиров¹¹⁷. Опять мы видим яркий пример отказа от введенного было ограничения иммунитетных прав, притом не только фискальных, но и судебных¹¹⁸. Мы остановимся подробнее на вопросе об «аире», когда будем говорить о судебных правах византийских феодалов. Сейчас нам важно было указать лишь на общее расширение иммунитетных прав крупных византийских землевладельцев.

От времени Андроника II Палеолога, к которому относятся приведенные эсфигменские документы, сохранилось особенно много сведений о стремлениях верховной власти ввести известные ограничения в иммунитетные права феодального землевладения. Перед лицом полного финансового расстройтва правительство Андроника II старалось ввести привилегии светских и церковных феодалов в известные рамки, требуя уплаты хотя бы самых важных податей, а также и важнейших судебных пошлин. Так, хрисовулом от сентября 1311 г. Андроник II освобождает Пантелеймоновский монастырь на Афоне от всех повинностей, за исключением ситаркии и сборов за убийство, деворастление и обретение клада, подчеркивая, что «эти четыре общеустановленных статьи» должны безусловно взыскиваться с владений Русского монастыря, как они взыскиваются и со всех прочих владений¹¹⁹.

Прониару Георгию Трулину, имевшему в области Серр «экономию» в 1600 модиев, хрисовулом от ноября 1318 г. дается право передать свою прению наследникам, но освобождение от уплаты податей жалуетса ему со значительными ограничениями: он должен вносить сборы за ситаркию, кастроктисию, горное пастбищное (ὄριχή), убийство и обретение клада («деворастление» почему-то не приводится), причем и тут сказано, что эти сборы «принято взыскивать со всех владений, даже обладающих хри-

¹¹³ Actes d'Esphigménou, p. XIV—XV.

¹¹⁴ Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 228.

¹¹⁵ Actes d'Esphigménou, p. XVII.

¹¹⁶ Ibid., p. XIV.

¹¹⁷ Ibid., p. XV.

¹¹⁸ Интересно, что сохранилось еще два акта Эсфигмена (№№ 11 и 19), подтверждающие иммунитетные права этого монастыря с известными ограничениями. Грам та страпопедарха Палеолога Сфрандзи, покровителя, можно сказать — харистикария Эсфигмена, называющего этот монастырь своим, изымает из освобождения „статью ситаркии и три статьи убийства, деворастления и обретения клада“ (№ 19. 11—13 и 20—22); грамота некоего Иоасафа (в чтении его имени издатели не уверены) исключает только три статьи аира (№ 11. 14—16). Замечательно, что тем не менее обе грамоты воспрещают чиновникам доступ на земли Эсфигмена. Очевидно, эти грамоты, датировать которые издатели не видели возможности (ср. р. XII и XX), старше второго практика Эсфигмена, ко времени составления которого монастырь пользовался уже полным иммунитетом и к тому же владел рядом имений, не упомянутых еще в грамоте Палеолога Сфрандзи. Во всяком случае эта последняя грамота никак не относится к 1374 г., к которому приурочил ее, без объяснения своих соображений, Вейс. (N. В έ η ς. Ὑπῆρχε ι υ ς primaе noctis παρὰ Βυζαντινοίς; BZ, 21, 1912, S. 179).

¹¹⁹ Акты Русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, № 20, стр. 166.

совулами (καὶ αὐτοῖς τοῖς χρυσοβουλλάτοις), ради общей службы и общей пользы»¹²⁰.

Хрисовулом от сентября 1325 г. Андроник II по просьбе болгарского царя Михаила Асеня подтверждает права Зографского монастыря на деревню Превисту и прочие его владения на Стримоне и освобождает их от государственных податей, в частности от кастроктисии, горного и лугового пастбищного, харагмы, приема чиновников и постоя войск¹²¹, т. е. и от некоторых сборов, которые, например, Г. Трулин должен был платить якобы ввиду их всеобщезательности. Но ситаркия, и только она одна, должна взиматься и с Зографского монастыря, поскольку-де она взимается не только с прочих имений во всей стране, но и с самих царских поместий, «по сделанному о том неизменному постановлению»¹²². Впрочем, фактически Зографу приходилось уплачивать еще один сбор, хотя это выказано самым осторожным, почти незаметным образом: хрисовул освобождает монастырские метохии от взысканий чиновников, находящихся на переходе (εἰς τὸν πόνον) через реку Стримон, «по уплате установленного и обычного таможенного сбора (διμοδαῖον)»¹²³.

120 MM, V, p. 89. Новое издание: A. Guillou. Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée. Paris, 1955, № 8. 16—20. Полным контрастом к этому ограничительному постановлению представляется определение хрисовульного сигиллия в пользу этериарха Иоанна Панарета, владевшего в селе Нижняя Уска, близ Зихны, вековой пронией с годовой рентой в 30 иперпиров (éd. A. Guillou, № 6). Его прония тоже превращается в наследственное владение, но при этом освобождается от всех повинностей без всяких ограничений. Спрашивается, действительно ли этот хрисовульный сигиллий, датированный мартом XI индикта, выдан Андроником II и относится к 1313 г., как считает вслед за Дэльгером и его новейший издатель. Как объяснить столь разительное различие в привилегиях, пожалованных Г. Трулину и И. Панарету, двум прониарам одного калибра, если они им действительно пожалованы примерно в то же время? Мы увидим, правда, что Андроник II нередко отступал от принципов своей ограничительной политики, но делал он это в отношении неизмеримо более сильных и влиятельных лиц, чем прониар Иоанн Панарет. В издании MM, V, p. 109 хрисовульный сигиллий этериарху Иоанну Панарету датирован мартом 1343 г., а это значило бы, что он выдан, конечно, не Андроником III, как указывают издатели, но либо Иоанном V Палеологом, либо Иоанном VI Кантакузином. Дэльгер (F. Dölger. Die Urkunden des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai. SBAW, Philos.-hist. Abt., Heft 9, S. 9) отвергает эту датировку, так как в это время область Серр была вовлечена в гражданскую войну между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином и „императорский двор не имел, вероятно, ни времени, ни причины заниматься столь невинными провинциальными гражданскими делами“. Но цена подобным рассуждениям и вообще невелика, а в данном случае они и прямо опровергаются фактами. Известен целый ряд декретов о превращении проний в наследственное владение именно в это время и именно в этой области (см. G. Ostrogorski. Pour l'histoire... p. 122—127), и это вполне понятно, так как оба императора естественно стремились привлечь сторонников раздачей привилегий прониарам. Датировка интересующего нас документа мартом 1313 г., которую отстаивает Дэльгер и принимает Гио, основывается исключительно на отождествлении нашего этериарха Иоанна Панарета с апографевсом Иоанном Панаретом, который упоминается в ватопедской грамоте, приуроченной Дэльгером к 1312 г. Но почему же мы должны видеть в этериархе И. Панарете и апографевсе И. Панарете одно лицо? Очевидно, наоборот, это — два лица, из коих одно было прониаром и исполняло функцию этериарха, а другое — функцию апографевса.

¹²¹ Actes de Zographou, № 23. 42—46.

¹²² Ibid., № 23. 38—42.

¹²³ Ibid., № 23. 49—53. Вспомним, что διμοδαῖον — наряду с „харагмой“ — платил и Эсфигменский монастырь, согласно практике 1298/9 г. Приведенное место из зографского хрисовула показывает, что διμοδαῖον представляет собой сбор за переход через реку. Следовательно, В. А. Мошин и А. В. Соловьев были правы, связав его с так называемым ποτατικόν (ср. их очень содержательную заметку в книге: А. Соловьев, В. Мошин. Грече повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 423—424), и я (Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 237, прим. 109) напрасно колебался принять их толкование, отдавая предпочтение интерпретации Дэльгера (F. Dölger. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. Etudes dédiées à la mémoire d'A. Andréadés. Athènes, 1939, p. 57, n. 87).

Постановления этого интересного документа дополняет еще более интересный хрисовул от сентября 1327 г., пожалованный Зографскому монастырю тоже по ходатайству болгарского царя¹²⁴. Из него мы узнаем, что ситаркия, которую монастырь должен был платить казне за деревню Превисту, была установлена императорским указом (до нас не дошедшим) в размере 45 иперпиров¹²⁵, для прочих же метохов Зографа размер ситаркии не был определен. Болгарский царь предложил считать со всех владений Зографа 50 иперпиров, накинув, таким образом, за остальные владения всего 5 иперпиров, и император Андроник II, соглашаясь с этим предложением, велел взимать с зографских метохов ежегодно 50 иперпиров «и не более». Следовательно, обязанность Зографа платить ситаркию оставалась в силе, но тем не менее императорский хрисовул воспрещает чиновникам доступ во владения Зографского монастыря¹²⁶. Мы уже ссылались выше на это свидетельство, ясно показывающее, при каких обстоятельствах такое воспрещение было возможно, несмотря на обязанность владельца вносить известные подати государству. Никто из сборщиков, говорит императорский хрисовул, не должен вступать в монастырские владения ради сбора этого налога, но сами монахи будут собирать указанные 50 иперпиров и передавать их прямо податным чиновникам при получении литра золота, выдаваемого им из богохранимого вестиярия¹²⁷. Таким образом, уплачивая государству 50 иперпиров ситаркии, Зографский монастырь в то же время получал из казны в виде солемния 72 иперпира, так что уплата ситаркии, на которой император так настаивал, не означала для государства действительного прихода, но только уменьшала в известной мере расход, каким являлась для казны выдача Зографскому монастырю ежегодной субсидии.

Между тем хрисовул 1327 г. предоставляет Зографскому монастырю ряд дальнейших привилегий. Он специально освобождает его от пошлин за убийство и девораствление и повторяет, что представители власти (*ὁ δημόσιος*) не имеют права доступа на монастырские земли¹²⁸. При этом императорский хрисовул утверждает, что эти пошлины, «как установлено издревле и с самого начала, взимаются и с царских имений, и с архонтских, а также и с церковных и монастырских и, вообще говоря, со всех этих и прочих владений — ради наказания и наставления тех, кто их обрабатывает»¹²⁹. Но по желанию и просьбе своего возлюбленного сына и зятя, превысокого царя болгар, император освобождает Зографский монастырь и от этих пошлин. Вынужденность сделанной против воли уступки здесь особенно ясно чувствуется, сколько бы она ни прикрывалась одновременным желанием подчеркнуть значение и чрезвычайный характер пожалованной привилегии. Интересно также, что уплата пошлин за переход через Стримон, которую Андроник II в предыдущем хрисовуле, два года тому назад, можно сказать, кое-как протащил, здесь уже отпала: чиновникам, ведающим этим переходом, воспрещается взимать *ποριστικόν* с монастыря и его скота¹³⁰. Надо ли прибавлять, что Зографский монастырь

¹²⁴ Actes de Zographou, № 26.

¹²⁵ Заслуживает внимания указание, что ситаркия взималась с крестьянских земледельцев (*ibid.*, № 26. 33).

¹²⁶ *Ibid.*, № 26. 46. Ср. и № 23. 46—49.

¹²⁷ *Ibid.*, № 26. 46—51.

¹²⁸ *Ibid.*, № 26. 59.

¹²⁹ *Ibid.*, № 26. 61—65.

¹³⁰ *Ibid.*, № 26. 70—73. При сравнении этого места с приведенным выше свидетельством хрисовула 1325 г. о стримонском переходе едва ли остается сомнение, что *δημόσιος* и *ποριστικόν* — тождественные понятия.

освобождается и от всех прочих денежных и натуральных податей и повинностей.

Андроник III в марте 1328 г. подтвердил распоряжения своего деда¹³¹. Освобождая Зографский монастырь от всех повинностей, в том числе и от пошлин за убийство и деворастление, и запрещая чиновникам появляться на монастырских землях, он повторяет, что монастырь обязан уплачивать в качестве ситаркии 50 иперпиров, получая в то же время литр золота из казны. Не повторяет он только характерную мотивировку Андроника II об общеобязательности уплаты ситаркии. По-видимому, обязанность Зографа платить ситаркию, признанная Андроником III в период гражданской войны, оставалась в силе и во время его правления. Но и эта единственная обязанность Зографа в отношении государства (вознаградившаяся к тому же получением субсидии, превышавшей размер уплачиваемого налога) была с него сложена правительством малолетнего Иоанна V Палеолога в первый же год его номинального правления¹³².

После перехода Афона под сербскую власть зографцы поспешили хлопотать освобождение от этой подати и у царя Стефана Душана. По-видимому, еще до известного нам хрисовула Душана от апреля 1346 г., т. е. в первые же месяцы сербской власти над Афоном, Зографский монастырь получил об этом от сербского царя специальную грамоту, до нас дошедшую, так как в хрисовуле от апреля 1346 г. Душан говорит, что он уже пожаловал недавно Зографскому монастырю 50 иперпиров, «которые монастырь ежегодно платил казне в счет ситаркии за все свои владения», и теперь подтверждает это пожалование¹³³. Интересно указание этого хрисовула, что 10 иперпиров Зограф вносил в казну Солуни, а 40 иперпиров в казну Серр¹³⁴. Выделяя особо освобождение от ситаркии, Душан, разумеется, освобождает Зографский монастырь и от всех прочих повин-

¹³¹ Actes de Zographou, № 27.

¹³² Известен ряд документов, якобы представляющих собой оригинал хрисовула Иоанна V Зографскому монастырю от января 1342 г. В своем известном исследовании Дэльгер (F. Dölger. Die Mühle von Chantax. Untersuchungen über vier unechte Kaiserurkunden. Византизм Σ. Δόμπερο. I, 1933, p. 13—28) пришел к выводу, что подлинным оригиналом является документ № 31. В (Actes de Zographou, A. Actes grecs), тогда как №№ 31. А, 32—34 подложны. Нельзя, однако, не отметить того странного обстоятельства, что № 31. В освобождает зографские владения от 50 иперпиров, которые монастырь якобы давал *χάρις τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας, τῆς οἰκῆς καὶ τῆς καστροκτισίας*. Ведь нам хорошо известно, что сумму в 50 иперпиров Зограф вносил исключительно за ситаркию, а никак не за орикэ и кастроктисию, от которых он, наоборот, освобождался предшествующими хрисовулами (ср. № 23. 43 и № 27. 65). Впрочем, та же путаница имеется и в хрисовуле болгарского царя Иоанна Александра от 1342 г., согласно которому З граф платил 50 иперпиров „ради житарства и горнины и градозидания“ (Actes de Zographou. В. Actes slaves, № 3. 77). Напротив, № 32.34 и № 33. 59 указывают правильно, что Зограф давал 50 иперпиров в счет ситаркии (в № 34. 62 явное искажение первоначального текста). Вообще надо сказать, что все указанные Дэльгером грубые ошибки в № 32 относятся к первой его половине, вторая же и главная его часть (начиная именно с определения об освобождении от ситаркии, особенно же со строки 34 и до конца) почти дословно совпадает с текстом хрисовула Стефана Душана, выданного З графу в апреле 1346 г. (Actes de Zographou, № 37 = А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара, № 9, где, однако, об освобождении от ситаркии говорится подробнее), и следовательно, в этой части воспроизводит подлинный хрисовул Иоанна V, которым пользовался и на который ссылается и хрисовул Душана, сохранившийся, впрочем, по-видимому, не в оригинале, а в копии, и тоже довольно безграмотной. Как видно, вопрос об этих грамотах, в более подробное рассмотрение которого мы здесь не можем вдаваться, еще сложнее, чем это представлялось после исследования Дэльгера, и при его пересмотре нужно будет обратить большее внимание, чем это сделал Дэльгер, на хрисовулы Стефана Душана и Иоанна Александра:

¹³³ А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара, № 9. 35.

¹³⁴ Там же, № 9. 40.

ностей, «какие ныне взимаются и какие будут впоследствии изобретены»¹³⁵.

Приведенные примеры показывают, что из-за предоставления податных льгот вела себя своеобразная и довольно упорная борьба. Хотя эта борьба рано или поздно неизменно кончалась уступками центральной власти, нельзя все же не признать, что византийское правительство по временам проявляло немалую настойчивость в своих попытках хоть сколько-нибудь повысить свои податные поступления или, по крайней мере, не допустить их дальнейшего и слишком резкого снижения. В рассмотренных хрисовулах Андроника II особенно интересно стремление объявить известные важнейшие подати, а также и важнейшие судебные пошлины общеобязательными и не подлежащими отмене. Но нельзя в то же время не заметить, что настаивая на общеобязательности известных сборов, император в отдельных случаях исключает из иммунитета то большее, то меньшее их число. Уверяя каждый раз в различных, но сходных по смыслу и весьма категорических выражениях, что налоги, в освобождении от которых он отказывается, якобы взимаются со всех земельных владений без исключения, Андроник II, как мы видели, с прониара Георгия Трулина требовал уплаты ситаркии, кастроктисии, орикэ и сбора за убийство и обретение клада, с Русского монастыря на Афоне — ситаркии и пошлин за убийство, деворащение и обретение клада, а с Зографского монастыря — только одной ситаркии. Император как бы торгуется, старается получить побольше, но, если приходится, соглашается и на меньшее, причем в своих уговорах и уверениях не слишком считается с истиной.

В самом деле, наряду с хрисовулами, которыми он в той или иной мере ограничивает иммунитетные права известных монастырей, тот же Андроник II одновременно жалует другим монастырям хрисовулы, не содержащие никаких оговорок, освобождающие от всех повинностей, в том числе и от тех, на общеобязательности которых он столь красноречиво настаивал. Большая уступчивость объясняется, конечно, прежде всего большим влиянием данных монастырей и их высоких покровителей. Если Андроник II, делая Зографу, в угоду болгарскому царю, значительные уступки, все же вводил в них известные ограничения, то еще большие уступки он принужден был делать монастырям, пользовавшимся покровительством могущественного сербского краля Милутина. Так, Хиландарскому монастырю на Афоне и монастырю Иоанна Предтечи на Меникейской горе, близ Серр, он рядом хрисовулов жалует, по просьбе сербского краля, полную и ничем не ограниченную экскуссию. Хрисовулы, пожалованные Хиландарю в марте 1319 г. и июне 1321 г., при этом специально упоминают об освобождении от ситаркии, кастроктисии и орикэ; первый хрисовул, кроме того, отмечает еще освобождение от митата — обязанности приема чиновников¹³⁶, второй же дает более длинный перечень разных повинностей, заканчивая его заявлением, что Хиландарский монастырь освобождается от всех податей, могущих взыскиваться в стране ромеев в настоящем или будущем¹³⁷. Хрисовул от июня 1321 г., которым Андроник II, по просьбе своего зятя, сербского краля (Милутина), и своей дочери, сербской королевы (Симониды), подтверждает владельческие права Меникейского

¹³⁵ Там же, № 9. 59.

¹³⁶ Actes de Chilandar, ed. L. Petit (ВВ, т. XVII, 1911, прилож.), № 41. 136—138. Ср. и подтверждающие хрисовулы Михаила IX и Андроника III: *ibid.*, № 42. 33—34 и 43. 33—34.

¹³⁷ *Ibid.*, № 60. 40—46 (подтвердительный хрисовул Андроника III: № 61. 38—43). Ср. и хрисовулы Андроника II и его соправителей от октября 1319 г.: *ibid.*, № 48. 52; № 49. 54; № 50. 59.

монастыря и освобождает его от всех повинностей, особо подчеркивает освобождение от ситаркии, кастроктисии, орикэ и энномия (пастбищного)¹³⁸. Этот хрисовул знаменует значительное расширение привилегий Меникейского монастыря, так как до того монастырь, по-видимому, еще не пользовался освобождением от ситаркии, кастроктисии и орикэ и только данным хрисовулом получил полную экскуссию, будучи освобожден и от этих трех податей. В этом нас убеждает простагма Андроника II от июля 1326 г., обращенная к кефалии Серр Алексею Цамблаку¹³⁹. Ссылаясь на свой хрисовул, очевидно, именно на цитированный хрисовул от июня 1321 г., Андроник II говорит, что он, по просьбе своей дочери, сербской королевы, освободил Меникейский монастырь от всех повинностей, даже и от сборов ситаркии, орикэ и кастроктисии¹⁴⁰. Это освобождение было затем подтверждено несколькими простагмами¹⁴¹, и никто не беспокоил париков и проскафименов монастыря какими-либо требованиями. Но, как недавно монахи пожаловались императору, с тех пор, как сборами податей ведает Алексей Цамблак, он пытается взимать названные три подати и с населяющих владения их монастыря. Император велит Цамблаку уважать привилегии Меникейского монастыря; более того, если подчиненные успели что-либо взыскать с монастырских париков и проскафименов, Цамблак должен вернуть полученное¹⁴².

Таким образом, сами документы, жалующие полный иммунитет, показывают иногда, что пожалованные владения первоначально подлежали известным повинностям и что, в частности, уплата трех названных податей считалась общим правилом, а освобождение от них особой привилегией. Подтверждая впоследствии привилегии Меникейского монастыря, хрисовулами от января 1329 г. и марта 1332 г., Андроник III подчеркивает освобождение от уплаты ситаркии, кастроктисии и орикэ, а также и энномия как особенную льготу, называя эти подати *δημοσιακά κεφάλαια*¹⁴³. Но в то же время и документы, которые сохраняют за казной право на известные платежи, в сущности, говорят о неуклонном расширении иммунитета прав землевладельцев, свидетельствуя лишь об известной постепенности этого неотвратимого процесса. Рассмотренные нами ограничительные попытки византийского правительства тем и интересны, что они ясно показывают его неотвратимость. Ограничения становятся все скромнее и мало-помалу сходят на нет.

Лишь в редких случаях можно наблюдать на некоторых владениях Хиландаря известные ограничения иммунитета. Примером может служить интереснейший в этом отношении хрисовул от сентября 1327 г., которым Андроник II подтверждает владельческие права Хиландаря на монастырек св. Николая близ Серр, завещанный ему известным иеромонахом Каллиником¹⁴⁴. Особенно настойчиво изымалась из иммунитета, как мы знаем, важнейшая подать этого времени — ситаркия. Ее касается и ограничение, о котором идет речь в данном хрисовуле. Но ограничение это лишь частичное, так как и эта единственная подать взыскивается исключительно с зевгарей париков монастыря св. Николая, тогда как зевгари самого монастыря

¹³⁸ A. Guillou. Les archives... № 9. 47. Ср. и подтверждающий хрисовул Андроника III: *ibid.*, № 10. 51.

¹³⁹ *Ibid.*, № 19. Ср. и подтверждающую простагму Андроника III: *ibid.*, № 20 (интересный пример простагмы, выданной соправителем и подписавной менологемом); см. также № 22.

¹⁴⁰ *Ibid.*, № 19. 9.

¹⁴¹ Сохранилась простагма от ноября 1325 г. (*ibid.*, № 18), подтверждающая пожалованное хрисовулом освобождение Меникейского монастыря от всех повинностей.

¹⁴² A. Guillou. Les archives... № 19. 35.

¹⁴³ *Ibid.*, № 24. 35 и № 26. 12, 59.

¹⁴⁴ Actes de Chilandar, № 113.

не подлежат и этой повинности, пользуясь полным освобождением. Проводя это различие, весьма характерное для византийской податной политики, императорский хрисовул указывает, что *δουλικὰ ζευγάρια* монастыря не должны вносить ничего в счет *τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρρίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὀρικῆς καὶ τοῦ μιτάτου*, будучи совершенно освобождены от этих повинностей, а его *παροικικὰ ζευγάρια* обязаны платить казне только ситаркию¹⁴⁵. Указание, что монастырские зевгари освобождаются именно от ситаркии, кастроктисии, орикэ и митата, едва ли случайно. Можно догадываться, что эти четыре повинности (они же приведены, например, в цитированном выше хрисовуле Хиландарю от марта 1319 г.) метох св. Николая ранее должен был нести и что именно потому они специально поименованы, тогда как прочие, менее важные повинности опущены. Важно отметить, что шли они с зевгарей, как основной единицы обложения. Но впредь монастырские зевгари от них освобождаются и тем самым освобождаются от всех взысканий со стороны казны, а зевгари его париков, будучи освобождены от всех прочих повинностей, подлежат только уплате ситаркии. Таким образом, и на этом примере мы наблюдаем постепенное расширение иммунитета.

Разумеется, полное освобождение от податной повинности и во времена Андроника II давалось не только монастырям, пользовавшимся особым покровительством сербского короля. Мы уже отмечали, что около 1320 г. его получил Эсфигменский монастырь на Афоне, ранее плативший известные подати и судебные пошлины. Укажем еще на интересную простагму от октября 1319 г. в пользу афонской Лавры¹⁴⁶. Обращаясь к чиновникам, производящим перепись в Солунской феме, Андроник II наказывает им оберегать экзимирированные владения Лавры, а равно и прочих владельцев хрисовулов. Он напоминает, что, согласно пожалованным Лавре хрисовулам, податные чиновники не имеют права доступа на ее земли без разрешения монахов. Только по приглашению самих монахов могут они вступить на их территорию и произвести опись их владений¹⁴⁷.

С переходом Афона под власть Стефана Душана иммунитетные права афонских монастырей достигли дальнейшего и, можно сказать, предельного расширения. Жалуемые без отказа привилегии были куплены ценой признания и поддержки, которую монастыри Афона и других завоеванных Душаном византийских областей изъясляли и оказывали новому своему владыке. Царь сербов и греков не только признал все владельческие права и привилегии, пожалованные монастырям византийскими императорами, но и щедрой рукой наделял их новыми землями и льготами. Под его властью все афонские монастыри фактически пользовались полным иммунитетом. Выданные им хрисовулы неизменно и в самых категорических выражениях говорят о полном освобождении от всех податей и повинностей. Те повинности, которые еще сохранились во времена византийской власти

¹⁴⁵ Actes de Chilandar, № 113. 27—33. О значении терминов *δουλικὰ* и *παροικικὰ ζευγάρια* см. G. Ostrogorskij. Pour l'histoire... p. 162, n. 1; P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. „Byzantinoslavica“, 12, 1951, p. 143.

¹⁴⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern... № 17.

¹⁴⁷ Совершенно аналогичное указание о запрете должностным лицам входить во владения Лавры без специального приглашения ее игумена и монахов дает и практика метоха Лавры на о. Лемносе, составленный в том же 1319 г. губернатором острова Константином Царалисом (изд. Александр Лавриот — в: Κωνσταντινουπόλεως Φιλολογος, 25, 1893/4, p. 163—165; о дате этого документа см. мою работу „Византийские писцовые книги“, стр. 218 сл.).

за некоторыми из афонских монастырей, ограничивая их иммунитетные права, исчезли в этом потоке привилегий. Эти ограничения были, насколько можно судить, не слишком многочисленны, но некоторые из них были все же довольно ощутительны. Приведем один пример.

Мы видели уже, как спешили монахи Зографского монастыря получить от Душана подтверждение об освобождении своих владений от обязанности вносить 50 иперпиров ситаркии. Не меньшую поспешность проявили, домогаясь милости сербского царя, и другие афонские монастыри, в частности Иверский монастырь, имевший к тому, надо признать, довольно веские основания. Правда, большинство владений этого богатейшего монастыря было и ранее освобождено от всех государственных повинностей и пользовалось полным иммунитетом. Иллюстрацией могут служить иверские владения в области Каламари, г. Иериссо и р. Стримона, подробные сведения о которых сохранились в ряде писцовых книг первой половины XIV в.¹⁴⁸ Иверский монастырь не платил за них казне ничего, пользуясь безраздельно всеми доходами с этих владений и, главное, всеми платежами их крестьян, составлявшими в 1301 г. в общей сложности 675 иперпиров, в 1317 и 1321 гг. — 677 иперпиров, а в 1341 г., ввиду «вражеского нашествия», уменьшившимися до 633 иперпиров¹⁴⁹. Между тем комплекс владений Иверского монастыря в области Пангайской горы, ядро которого составляло крупное село Радоливо, иммунитетом не пользовался: согласно писцовой книге 1316 г., доходы с этих владений составляли 520 иперпиров в год, но из этой суммы Иверский монастырь удерживал только 320 иперпиров, а 200 иперпиров вносил в казну *ὡς κεφάλαιον*¹⁵⁰. Тот же *κεφάλαιον* в 200 иперпиров уплачивал он и в 1341 г., несмотря на то, что к этому времени, вследствие военного разорения, доходы сильно уменьшились и определены писцовой книгой в 448 иперпиров¹⁵¹.

Неудивительно, что иверские монахи первым делом обратились к Душану с просьбой об освобождении от этого платежа. Их просьба была удовлетворена уже хрисовулом Душана от января 1346 г., из которого мы узнаем об этом платеже новые интересные подробности. Оказывается, что за время византийской власти Иверский монастырь не только так и не успел от него освободиться, но что довольно значительная сумма, которую он вносил в казну, была во время византийской гражданской войны повышена вдвое. Душан жалуется прибегшим к нему иверским монахам «400 иперпиров, которые давало их имение Радоливо вместе с другими их тамошними имениями сперва в императорский вестиярий, а затем стратиготам: 200 иперпиров в счет зевгаратикки, а других 200 иперпиров в счет *кефалея*»¹⁵². Таким образом, к прежней сумме в 200 иперпиров, обозначавшейся общим понятием *κεφάλαιον*, присоединился налог зевгаратикки в том же размере. Особенно интересно, что удвоившиеся платежи Иверского монастыря шли не в казну, как раньше, а в пользу пронаиров.

За кратким сравнительно хрисовулом от января 1346 г., который, глав-

¹⁴⁸ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für das Athoskloster Iberon. SBAW, Philos.-hist. Klasse, 1949, Heft 28.

¹⁴⁹ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika. . . , документы А, 456; К, 599; Р, 586; V, 457.

¹⁵⁰ Ibid., RK, 334—336.

¹⁵¹ Ibid., RV, 241—242. Фактически доходы снизились еще сильнее, так как составитель этой писцовой книги, как он сам сообщает (it id., RV, 232 sq.), доход с поселков Овид и Добр.вкия определил в 60 иперпиров, просто переписав эту сумму из предшествующего практика, в действительности же названные поселки не давали больше дохода, так как их крестьяне бежали после турецкого нападения.

¹⁵² А. Соловьев, В. Мошин. Грече повеље српских владара, № 6. 15—20. Ср. № 7. 84—87.

ным образом, посвящен освобождению села Радолива от лежавшей на нем повинности, особенно беспокоившей иверских монахов, последовал три месяца спустя новый и очень обстоятельный хрисовул¹⁵³. Душан подтверждает в нем права Иверского монастыря на все его многочисленные владения, подробно перечисленные, торжественно освобождает их от всех податей и повинностей¹⁵⁴ и воспрещает чиновникам доступ на монастырские земли¹⁵⁵.

Как известно, хрисовулы Стефана Душана, выданные греческим монастырям на греческом языке, с формальной стороны точно следуют образцу византийских хрисовулов эпохи Палеологов. В силу этого их иммунитетные формулы, давая полное освобождение от всех государственных повинностей, приводят, так же как иммунитетные формулы византийских хрисовулов XIV в., лишь небольшое сравнительно число этих повинностей. Мы ознакомились теперь с достаточно большим количеством иммунитетных грамот, чтобы окончательно установить, что содержание жалуемого иммунитета ни в какой мере не зависело от числа перечисленных в иммунитетных формулах податей, и окончательно отказаться от теории, по которой освобождение касалось только специально поименованных повинностей, заявления же о полном освобождении от всех повинностей были якобы лишь «риторическим украшением».

Прежде всего нельзя не отметить, что эти заявления обычно весьма решительны и, казалось бы, совершенно недвусмысленны. П. А. Яковенко сам цитировал часто повторяющееся указание, что освобождение дается от всяких повинностей, «теперь существующих и впоследствии могущих появиться». Мы видели, что встречаются еще более выразительные заявления: освобождение дается, кроме поименованных повинностей, и от всякой государственной подати, «каким бы именем она ни называлась, существует ли ныне или будет изобретена впоследствии»¹⁵⁶; и от любой иной подати, «хотя бы она не была прямо названа в настоящем хрисовуле моей царственности»¹⁵⁷; от всех государственных податей, «из коих некоторые да будут названы поименно» (после чего следует перечисление)¹⁵⁸; «не только от прочих налогов, сборов и податей, но и от сбора...» (следуют названия важнейших сборов)¹⁵⁹.

Последние две цитаты особенно поучительны, так как они с полной ясностью вскрывают смысл приведения отдельных видов податей. Приводили их, обычно упоминая наиболее важные, как примеры, иллюстрирующие

¹⁵³ Там же, № 7 (от апреля 1346 г.).

¹⁵⁴ Некоторые из них специально приводятся, причем перечисление начинается с той *ζευγατικίου, τῆς ὀρίτης καὶ χατροχτισίας, τοῦ ἐννοκίου τῶν ζῶων αὐτῶν* (там же, № 7. 92), т. е. зевгаратикий, очевидно, заменил ситаркию (обе эти подати приводятся, однако, в хрисовулах Андроника III Палиологу монастырю 1326 и 1331 гг.: ММ, VI, р. 249. 28—29 и р. 253. 35—254. 1). Особенно подчеркивается и дважды повторяется освобождение от „трех статей“ — убийства, деворастления и обретения клада (А. Соловьев, В. Мошин. Ук. соч., № 7. 96 и 112).

¹⁵⁵ А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара, № 7. 114—120. Это воспрещение повторяется в целом ряде хрисовулов Душана афонским монастырям: Филофею (№ 8. 106), Ватопеду (№ 11. 55 и № 18. 92), Ксиропотаму (№ 12. 86), Эсфигмену (№ 13. 78), Лавре (№ 16. 34), а также Меникейскому монастырю (№ 2. 57) и цареву „ближнему человеку“ Георгию Фукополу (№ 24. 17). То же в хрисовулах царя Урша Лавре (№ 28. 53) и монастырю св. Георгия в Завлатии (№ 31. 140).

¹⁵⁶ Хрисовул Феодора Ангела Навпактской митрополии 1228 г.: изд. В. Г. Васильевский в ВВ, т. III, 1896, стр. 296.

¹⁵⁷ Хрисовулы Иоанна III Ватаца Лемвотиссе 1228 и 1235 гг.: ММ, IV, р. 4 и 21. Ср. хрисовул Алексея I Комнина Лавре 1104 г.: Actes de Lavra, № 51, 87.

¹⁵⁸ Аргировул деспота Иоанна Палеолога Макринитиссе: ММ, IV, р. 343.

¹⁵⁹ Хрисовул Стефана Душана Иверскому монастырю от апреля 1346 г.: А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара, № 7. 90.

основное положение об освобождении¹⁶⁰. Основным являлось, конечно, заявление об общем освобождении от податной повинности, перечисление же отдельных жалуемых податей лишь дополняло это основное положение. Употребляясь при этом формулы не были ни единообразны, ни неизменны. Никогда не было установлено, что именно они должны содержать. В XI в. любили обстоятельные перечисления, щеголяли их длиной, стремились привести, для вящей торжественности, как можно больше пожалованных повинностей, со всевозможными подробностями, старались ничего не забыть, припоминая все виды подлежавших взысканию продуктов и все породы животных и домашней птицы. Со временем этот обычай вывелся, и более поздние хрисовулы, опуская все эти и другие подробности, настаивают прежде всего на полноте даваемого освобождения, в патетических выражениях говорят о его вечности и неотъемлемости, подчеркивают, например, эффектно нагромождая звучные синонимы, что пожалованное лицо будет пользоваться предоставляемыми ему привилегиями *ἀνενοχλήτως καὶ ἀδιασίστως καὶ ἀναφαίρετως καὶ ἀναποκρίτως*. Перечисления же отдельных пожалованных податей в поздних хрисовулах, как мы видели, крапки и суммарны, хотя степень их краткости в отдельных случаях различна, так как и здесь нет никаких общеустановленных правил. В первую очередь обычно приводятся главные подати, нередко даже только главные, — те, которые чаще всего исключались из иммунитета, или те, от которых пожалованное лицо до выдачи данного хрисовула не было еще освобождено, — словом, те, пожалование которых представлялось особенно важным. Мы могли убедиться в этом на многих конкретных примерах. Все это теперь так ясно, что трудно даже понять, как могло вообще возникнуть представление, будто освобождение давалось только от названных в перечислении повинностей, а все опущенные подати, невзирая на ясно высказанное общее освобождение, подлежали уплате¹⁶¹. Напротив, когда какая-

¹⁶⁰ К этому же выводу пришел на основании материала сербских иммунитетных грамот Божич (И. Б о ж и ћ. Доходак царски. Београд, 1956, стр. 8 сл.).

¹⁶¹ Но, исходя именно из этой предпосылки, П. А. Яковенко пришел к убеждению, что заявления грамот об общем освобождении от всех податей были „не более как риторическим украшением“, „потому что, — рассуждал он, — нередко после хрисовула с такой фразой вскоре жаловался другой с освобождением от повинностей и платежей, не указанных в первом“ (П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 27). В подтверждение Яковенко ссылается, с одной стороны, на ММ, VI, р. 97, с другой — на ММ, VI, р. 249 и 253—254, то есть, с одной стороны, на престагму Иоанна IV Ласкариса монастырю Иоанна Богослова на Патмосе от октября 1258 г., с другой — на хрисовулы Андроника III тому же монастырю от декабря 1326 и июня 1331 г. Таким образом, хрисовулы, о которых идет речь, выданы вовсе не „вскоре“ после престагмы 1258 г. Они принадлежат к другой эпохе и отражают существенно изменившийся податной порядок, а этим и объясняется то, что в них приведены другие подати, чем в престагме 1258 г. Некоторые из податей, как, например, взыскание за „деворастление“, в середине XIII в. вообще еще не существовали и, стало быть, не могли быть упомянуты в престагме 1258 г. Разумеется, сравнить можно только документы оди й эпохи, и представляется странным, когда П. А. Яковенко далее („К истории иммунитета. . .“, стр. 28) те же хрисовулы Андроника III от 1326 и 1331 гг. сопоставляет даже с хрисовулом Алексея I Комнина 1088 г. и говорит о том, что к льготам, которые монастырь Иоанна Богослова на Патмосе получил по хрисовулу 1088 г., в 1326 г. было „присоединено“ освобождение от ситаркии, взыскания за деворастление и ряда других податей, которые в XI в. либо вообще не существовали, либо имели иной смысл. Было бы лучше, если бы хрисовулы 1326 и 1331 гг. П. А. Яковенко сравнил с хрисовулом от января 1329 г., выданным тем же Андроником III тому же монастырю Иоанна Богослова на Патмосе. Этот хрисовул подтверждает пожалованное Патмосскому монастырю освобождение от податной повинности, но при этом ни одной подати специально не называет. Что же это было: сужение ранее пожалованных льгот или может быть даже их отмена? И какой смысл имели вообще подобные хрисовулы, если общие выражения об освобождении ничего не значили и освобождение давалось только от специально поименованных повинностей?

нибудь подать исключалась из иммунитета и подлежала уплате, то это прямо и недвусмысленно указывалось, как мы это видели на многих и многих совершенно ясных примерах. Если же даваемое освобождение подобными оговорками не сопровождалось, то это, очевидно, значило предоставление полной и неограниченной экскуссии. Как это бывает, ученые запутали вопрос, по существу совершенно ясный, и приходится тратить время и место на доказательство того, что, в сущности, в доказательстве не нуждается, и устанавливать, что, говоря в ясных словах о полном и неограниченном освобождении, документы и подразумевают освобождение полное и неограниченное.

Во второй половине XIV в. в положении византийского феодального землевладения наступают резкие перемены. Грозные события, потрясавшие империю Палеологов, нарушили ритм его развития и вызвали в установившемся соотношении сил крупные перестановки. Они принудили византийское правительство, в разрез с его традиционным монахолюбием, поступиться интересами монастырей и сделать ставку на военнообязанных проиаров.

С отдельными попытками использовать некоторые монастырские владения и доходы для передачи их проиарам мы встречаемся уже со второй четверти XIV в. Эти первые и еще робкие попытки, о которых свидетельствует и приведенное выше место из хрисовула Душана Иверскому монастырю, не имели длительного действия. Все мероприятия такого рода, о которых до нас дошли сведения, относящиеся к этому времени, были отменены по настоянию монахов или самой византийской властью, или Душаном¹⁶². Но когда над империей нависла угроза турецкого завоевания, византийскому правительству пришлось в целях поднятия своей упавшей военной мощи приступить к широкой секуляризации монастырских имений и их раздаче в пронию. Как сообщает сам император Мануил II в простагме афонским монастырям от декабря 1408 г., непосредственно после битвы на Марице в 1317 г., оказавшись перед лицом опасности турецкого нашествия, византийское правительство решилось превратить в пронию половину монастырских имений, «дабы они не были поглощены все целиком»¹⁶³. Правительство надеялось, говорит император, что наступят лучшие времена и что секуляризованные владения будут возвращены монастырям. Между тем положение продолжало ухудшаться, так что и на оставшуюся половину монастырских имений пришлось наложить новые тяготы. По случаю своего пребывания в Солуни император, снисходя к просьбам прибегших к нему афонских монахов, делает им некоторые послажки, в частности, он определяет, чтобы известные сборы не взыскивались с монастырских зевгарей, а только с зевгарей монастырских париков¹⁶⁴. Но об отмене секуляризации половины монастырских владений император даже не помышляет. Предпринятые после битвы на Марице чрезвычайные меры оставались в силе. Не были они отменены и после турецкого поражения при Анкаре в 1402 г. Нам известен в настоящее время целый ряд документов первой четверти XV в., свидетельствующих об утрате монастырями половины владений. Более того, некоторые грамоты показывают, что и на оставшихся во владении монастырей землях все основные платежи крестьян

¹⁶² Ср. G. Ostrogorski. Pour l'histoire. . . , p. 155 sq.

¹⁶³ В. Мошин. Акти из светогорских архива. „Споменик“, 91, 1939, стр. 165.

¹⁶⁴ Там же, стр. 166—167. Ср. также F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . № 63, 27. С подсобной льготой мы встретились уже выше в хрисовуле Андроника II от 1326 г. в пользу хиландарского метоха св. Николая.

отчислялись в пользу прониаров, монахи же должны были довольствоваться некоторыми второстепенными сборами и работами да оказанием им крестьянами «должной чести и послушания»¹⁶⁵.

Но то, что теряли монастыри, приобретали прониары. Ограничение монастырских богатств и привилегий не означало ограничения привилегированности как таковой, а лишь перераспределение земель и льгот между двумя группами привилегированного сословия. Упорная борьба, которая подспудно веками велась между византийскими духовными и светскими феодалами, кончилась победой последних. В свете этих фактов нам сейчас кажется прямо-таки непонятным представление о том, что привилегиями в Византии пользовались почти исключительно монастыри¹⁶⁶.

Битва на Марице, принудившая благочестивое византийское правительство прибегнуть к раздаче монастырских земель в пронию, знаменовала начало конца Византийской империи, хотя Византия непосредственно в этом роковом сражении не участвовала. Вскоре после 1371 г. она попала в вассальную зависимость от Османской империи и обязалась платить ей ежегодную дань. Эта дань, составлявшая, согласно Халкокондилу, 30 тыс. золотых¹⁶⁷, по-видимому, была распределена среди всего населения, подобно тому, как в попавших в вассальную зависимость южнославянских странах турецкая дань была разложена на всю землю и в ее уплате должны были участвовать и землевладельцы, освобожденные от всех повинностей в пользу своего государства¹⁶⁸. Точно так же на завоеванных территориях, находившихся под непосредственной турецкой властью, харадж, естественно, взимался турецкими властями со всех землевладельцев, невзирая на их былые привилегии.

Из любопытнейшего указа Мануила II Димитрию Вулиоту от 29 сентября 1404 г. мы узнаем, что «в дни эмира Баязида бея» все афонские монастыри платили туокам харадж. Как известно, после поражения Баязида при Анкаре в 1402 г., в силу договора, заключенного с Сулейманом, Византия временно освободилась от своей вассальной зависимости, и некоторые утраченные области, в частности область Солуни, были ей возвращены. Посылая Вулиота на вновь обретенный Афон в качестве защитника и блюстителя освобожденных от турецкого владычества афонских

¹⁶⁵ Ср. замечательную грамоту Дохиарскому монастырю от мая 1409 г.: F. Döbiger. Aus den Schatzkammern. . . , № 63. Обо всем этом см. подробнее G. Ostrogorski. Pour l'histoire. . . , p. 161 sq.

¹⁶⁶ От этого воззрения К. Н. Успенского не очень далеко, в сущности, и Ж. Руйяр (G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953, p. 157 sq.).

¹⁶⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes, ed. Eugen Darkó, I. Budapestini, 1922, p. 57. 13 и p. 58. 1. О ее тяжести выразительно говорит Димитрий Кидон в своих письмах (Démétrius Cydonès. Correspondance, éd. et trad. par. G. Cammelli. Paris, 1930, №№ 25 и 5); первое из этих писем относится к 1377 г., второе — к 1391 г., как, вопреки мнению издателя, убедительно доказывает Харанис (P. Charanis. The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks. Byz., 16, 1942—1943, p. 308).

¹⁶⁸ Деспот Вук Бранкович, как он сам говорит в грамоте Хиландарю 1392 г., «расписал землю всю. . . как кому платить дань туркам». На хиландарские метохи его области пришлось при этом 200 унций (ср. Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава Средьнега века. Београд, 1912, стр. 459—460). Жалованные грамоты сербских князей этого времени, давая освобождение от всех податей и повинностей, специально изымают из освобождения турецкую дань (см., например, грамоты Георгия Бранковича афонскому монастырю св. Павла от 1410 и 1419 гг. — Ст. Новаковић. Ук. соч., стр. 529 и 531). Освобождая Хиландарь от турецкой дани в виде исключительной милости, Вук Бранкович упомянутой своей грамотой принимает уплату причитающейся с Хиландаря суммы в 200 унций «на себя и свой дом» и обязуется вносить ее до конца дней своих и доколе будут платить дань туркам. Ср. И. Божић. Доходак царски, стр. 54.

монастырей, Мануил II велит своему уполномоченному вернуть монастырям земли, которые им принадлежали до завоевания Солуни турками. Но этим прежнее положение не было вполне восстановлено. Монахов ожидало новое разочарование, ибо освобождение от турецкой власти не принесло им полного освобождения от обязанности уплаты хараджа. Император заявляет, что он им пожаловал $\frac{2}{3}$ наложенной на них турками подати, но $\frac{1}{3}$ хараджа монастыри должны платить и впредь — в пользу византийского правительства¹⁶⁹. Об этом своеобразном дележе Мануил II говорит и в вышеупомянутой простагме, выданной афонским монастырям в 1408 г.: возвращенное турками он считает даром, сделанным лично ему «великим эмиром» (Сулейманом), и $\frac{2}{3}$ подаренного милостиво жалует бывшим владельцам-монастырям, удерживая $\frac{1}{3}$ за собой¹⁷⁰.

Простагма Мануила II от января 1409 г. (воспроизведенная в простагме 1415 г.) возвращает Дохиарскому монастырю на Афоне некогда принадлежавшую ему деревню Амарианы, с тем чтобы монастырь владел ею как прежде, т. е. не платя за нее податей. Но это пожалование сопровождается характерной оговоркой: «Это не касается налога, который они (монахи. — Г. О.) давали туркам и который ими (турками) назывался харадж...»¹⁷¹. Харадж император удерживает за собой.

Некогда византийское правительство настаивало на уплате ситаркии и других важнейших государственных податей, изымая их из иммунитета. Во время вассальной зависимости от Османской империи турецкий харадж стал главным налогом, уплата которого требовалась безусловно, от которого, как показывают цитированные выше южнославянские документы, местные владельцы не освобождали, да и не могли никого освободить. Но и в эпоху временного восстановления византийского суверенитета, после Анкарской битвы, харадж продолжал взиматься в Византии, так как византийское правительство сделало себе из него особую статью дохода. Он шел теперь в византийскую казну и взыскивался даже с землевладельцев, освобожденных от всех прочих податных повинностей. На смену турецкому появился византийский харадж.

Остановимся, наконец, на группе императорских хрисовулов и деспотских аргировулов, касающихся владений, пожалованных в пронию знаменитому философу-гуманисту Георгию Гемисту Плифону и его сыновьям. Эти документы переносят нас в область Морейского деспота на Пелопоннесе, наиболее значительного и жизнеспособного владения поздней Византии.

Аргировулом от ноября 1427 г. морейский деспот Феодор Палеолог жалует своему ближнему человеку кир Георгию Гемисту замок и область Фанария (τὸ κάστρον καὶ τὴν χώραν Φαναρίου), с тем чтобы он их дер-

¹⁶⁹ Эта грамота, сохранившаяся в архиве Ватопеда, издана ватопедским монахом Аркадием в журнале „Γρηγόριος Παλαμάς“, 2, 1918, р. 449—452. Подробнее я остановился на этом документе в докладе на X Международном конгрессе византологов в Стамбуле.

¹⁷⁰ Сохранился любопытный документ, подробно описывающий, как производился декретированный императором дележ: W. Reg. I. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς... μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. St. Pbl., 1893, р. 35—38. Составитель документа, апографевс и великий хартуларий Ласкарис Метохит, получил от Мануила II приказание вернуть Ватопедскому монастырю ранее ему принадлежавшее село, но вернуть его „за вычетом трети земли и людей“. И действительно, он передает монастырю $\frac{2}{3}$ села и $\frac{2}{3}$ его парков, подробно объясняя, как он произвел точный раздел сельской территории, и приводя поименный список передаваемых монастырю 12 крестьянских дворов. Эта грамота, которую Регель, согласно индикту, датировал 1405 или 1420 г., очевидно относится к 1405 г.

¹⁷¹ X. Κτενῶν. Χρυσόβουλλαι λόγοι τῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου, ΕΕΒΕ, 4, 1927, № 10. 19—22.

жал и ими управлял (ως ον γρατῆ καὶ κεφαλατικῆς), получая все взносы кефалатикия, т. е. взносы, причитающиеся кефалии — управителю области, и все, что жители данной области должны платить в качестве государева сбора (αὐθεντικὸν δῖναϊον). Исключается только сбор флориатика, который идет в казну. После смерти Георгия Гемиста этим замком и областью будут владеть и управлять, на тех же началах, его сыновья, а затем и внуки Но и Георгий Гемист, и его наследники должны, как проиары, нести определенную службу (ἐχθουλεύειν)¹⁷².

Примечательно, что Гемист не только владеет, но и управляет пожалованной территорией. Его права и функции определяются терминами, выведенными из официального наименования провинциального управителя — кефалии. На пожалованной ему территории, центром которой является укрепленное место, он фактически заменяет кефалию, не только получая с этой территории все доходы, но и осуществляя на ней известную административную и политическую власть. Георгий Гемист не только проиар-помещик, но и областной управитель.

Другим аргировулом, до нас не дошедшим, тот же деспот Феодор пожаловал Георгию Гемисту село Врисис, близ Кастрия в Лаконии, о чем мы узнаем из хрисовула императора Иоанна VIII от октября 1428 г.; по просьбе Гемиста Иоанн VIII подтвердил оба аргировула своего брата, подробно пересказав их содержание¹⁷³. И здесь Гемисту предоставлены все сборы кефалии, как и все прочие государственные подати, из которых, впрочем, в данном случае исключен сбор эксамилия, т. е. сбор, связанный со строительством воздвигнутого на Коринфском перешейке укрепления. Но и с этого владения Гемист должен «всегда нести установленную службу».

Еще при жизни Георгия Гемиста его владения были переписаны на его сыновей новым хрисовулом деспота Феодора, опять-таки не сохранившимся, но известным из хрисовула Константина XI от февраля 1449 г.¹⁷⁴ Замечательно, что по просьбе Георгия Гемиста Константин не только подтвердил пожалования своего брата, к тому времени уже покойного (ум. 1443), но и «прибавил кое-что от своих щедрот». В результате этих щедрот ранее предоставленные Гемисту широкие привилегии еще значительно расширяются.

Старшему сыну, Димитрию Гемисту, передается управление и власть над территорией Фанария: «держать и управлять» заменяется еще более выразительным «властвовать и управлять» (καὶ ἀρχῆ οὗτος αὐτοῦ καὶ κεφαλατικῆς). Точно так же младшему сыну, Андронику Гемисту, предоставляется управление и власть над селом Врисис, которое при этом изымается из власти кефалии соседнего Кастрия. Таким образом, теперь и это проиарское село превращается в самостоятельную административную единицу. Разумеется, обоим братьям дается право взимать в свою пользу все установленные государственные подати, но замечательно, что император жалует им и сбор флориатика, который был специально исключен из фискальных прав самого Георгия Гемиста (вероятно, по ошибке, теперь

¹⁷² MM, III, p. 173—174. Подробнее об этом и дальнейших документах, выданных Г. Гемисту и его сыновьям, см. в моей работе: G. Ostrogorski. Pour l'histoire... p. 180 sq.; D. A. Zachytnos. Le despotat grec de Morée, II. Paris, 1953, p. 122 sq., 199 sq.

¹⁷³ MM, III, p. 174—176.

¹⁷⁴ Изд. Σ. Κοσσυεας. «Ἑλληνικά», I, 1926, p. 373—375. Хрисовул Константина XI (и не сохранившийся аргировул деспота Феодора) подтвердил, со своей стороны, по просьбе сыновей Гемиста, деспот Димитрий аргировулом от июля 1450 г. (MM, III, p. 225—227).

в обоих случаях речь идет о флориатике, тогда как первоначально в селе Врисис был оговорен не флориатик, а сбор эксамилия).

Повторяется то, что мы уже не раз наблюдали: предоставленные привилегии, и без того значительные, новым пожалованием еще расширяются; введенные были ограничения, даже скромные, отпадают, и в результате пожалованное лицо приобретает полный и ничем уже не ограниченный иммунитет.

Пример этот тем более показателен, что уже с самого начала Георгию Гемисту были предоставлены права и функции, которыми византийские феодалы предшествующих веков еще не обладали. Развитие достигло своего логического завершения: на землевладельческие права наслоились административные функции; владелец территории, изъятой из ведения государственного аппарата, превратился в областного управителя, наделенного административной и политической властью.

Пытаясь обрисовать характер византийской эксцуссии и наметить черты ее развития, мы сосредоточили внимание на вопросе об иммунитетных правах феодального землевладения. Это бесспорно главный аспект средневекового иммунитета, имеющий основное значение для понимания этого института. Но, конечно, проблема иммунитета этим не исчерпывается. Ведь значительными льготами пользовались в Византии и города, и для всесторонней характеристики византийского иммунитета необходимо учитывать также вопрос о городских привилегиях. Сохранившиеся грамоты о льготах, пожалованных известным городам, как-то хрисовул Андроника II жителям Янины¹⁷⁵ или аргировул морейского деспота Феодора II жителям Моне-васии¹⁷⁶, дают для этого богатый материал, дополняемый данными других источников, как, например, сообщениями Михаила Хониата об иммунитетных правах Афин его времени¹⁷⁷ или встречающимися в грамотах любопытными указаниями на освобождение граждан Солуни от податной повинности¹⁷⁸. Но это — особый и крупный вопрос, который должен рассматриваться в рамках еще мало изученной истории византийских городов, исследование которой, значительно продвинувшееся за последнее время благодаря работам ряда советских византиноведов¹⁷⁹, является одной из важнейших очередных задач византиноведения. В особом исследовании нуждается и вопрос о податных льготах персонала известных государственных служб, в частности упоминаемых в грамотах X—XI вв. эксцуссатов¹⁸⁰.

Ограничивая свое исследование изучением иммунитетных прав, которые были в Византии присущи феодальному землевладению, мы должны, однако, наряду с податными льготами учитывать и судебно-административные права, которыми пользовались византийские землевладельцы. Рассмотрев вопрос о финансовом иммунитете византийского феодального зем-

¹⁷⁵ MM, V, p. 77—84.

¹⁷⁶ MM, V, p. 171—174.

¹⁷⁷ G. Stadtmüller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. „Orientalia Christiana“, vol. 32, 2, 1934, p. 284. 11.

¹⁷⁸ Actes de Chilandar, № 31. 26 (1316 г.); № 62. 26 и № 63. 29 (1321 г.).

¹⁷⁹ См. особенно Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии VIII—X вв. ВВ, т. VI, 1953, стр. 113—131; А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, вып. XXI, 1954; его же. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 85—96; М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 26—41, а также ряд ценных исследований М. Я. Сюзюмова в связи с Книгой епарха.

¹⁸⁰ Actes de Lavra, № 28. 31; М. Γεδεών. Βυζαντινά Χρυσόβουλλα. „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια“, 4, p. 405; П. А. Яковенко. Грамоты Нового монастыря на о. Хиосе, стр. 10.

левладения, мы обращаемся теперь к вопросу о предоставлявшемся ему судебном иммунитете.

Подобно тому как сущность податного иммунитета состояла в праве сеньора на все подати и повинности своих крестьян, сущность судебного иммунитета заключалась в его праве суда над крестьянами принадлежащей ему территории. Совокупность этих прав, естественно, отдавала крестьянина во власть сеньора, изымая его из-под непосредственной власти государства. Нам надлежит прежде всего установить, с какого времени и в какой мере такие права предоставлялись византийским землевладельцам.

Установить это нелегко, так как в противоположность богатству материала о финансовом иммунитете данные византийских источников о судебном иммунитете весьма скудны и часто неясны. П. А. Яковенко считал, что о судебных правах византийских землевладельцев можно с уверенностью говорить только относительно XIV в.¹⁸¹ При этом он ссылаясь на хрисовул, пожалованный в 1364 г. трапезунтским императором Алексеем III Комнином монастырю на горе Сумеле. Этот хрисовул воспрещает представителям власти вступать в пределы монастырских владений для производства суда и сборов (*χάριν κρίσεως ἢ ἀπαιτήσεως*) и прямо указывает, что монастырю надлежит самому судить своих париков, взимать с них подати и ими управлять (*παρὰ τοῦ μέρους τῆς μονῆς ὀφείλουσι κρίνειν καὶ ἀπαιτεῖσθαι καὶ διεξάγεισθαι*)¹⁸². Сверх того Яковенко указывал, что с XIV в. хрисовулы предоставляют землевладельцам право на судебные пошлины. Мнение П. А. Яковенко о позднем возникновении судебного иммунитета в Византии было принято большинством исследователей, в том числе и пишущим эти строки, и посейчас оно является господствующим. Однако более внимательное изучение источников убеждает в том, что от этого воззрения нужно решительно отказаться.

Остановимся, прежде всего, на хрисовуле Константина IX Мономаха Новому монастырю на о. Хиосе от июня 1045 г.¹⁸³ Император постановляет, чтобы «отныне и на вечные времена ни один судья (*μὴ τίνα δικαστήν*) не появлялся в названном монастыре ни по какому делу и не показывал знаков власти по отношению к нему и тем, которые находятся в нем, и тем, которые подчинены ему», т. е., очевидно, по отношению к монахам Нового монастыря и монастырским парикам.

Ясно, что этим постановлением все судебные дела в пределах монастырских владений передаются в ведение монастыря и что судить своих монахов и своих париков может только монастырь. На это справедливо указал уже К. Н. Успенский, и это является крупной его заслугой, не смотря на то, что этим правильным указанием он стремился подкрепить свою злополучную теорию о том, что институт иммунитета в Византии был в XI в. ярче выражен, чем в последующие века¹⁸⁴.

Интересны и дальнейшие постановления хрисовула Константина Мономаха, касающиеся тяжб монастыря с третьими лицами. Новый монастырь объявляется неподсудным никакому суду кроме императорского. Сам монастырь может обращаться в любой суд по своему желанию и усмотрению. Но если жалобщиком выступает противная сторона, то ни фемный или городской судья, ни кто-либо из других архонтов и су-

¹⁸¹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 28—31 и 66—70.

¹⁸² MM, V, p. 279. 12—14.

¹⁸³ Ibid., p. 2—4. Несогласованность года с индиктом, исправленным издателями, а также стилистические шероховатости и неясности текста могут быть объяснены тем, что эта грамота сохранилась в копии XVII в. См. П. А. Яковенко. Грамоты Нового монастыря. . . , стр. 4 сл.; F. Dölger. Regesten. . . , Teil II, № 862.

¹⁸⁴ К. Н. Успенский. Эккуссия-иммунитет. . . , стр. 86.

дебных чинов не имеет права привлекать монастырь и находящихся в нем к судебной ответственности. Жалобы против Нового монастыря, подчеркивает хрисовул, изымаются из ведения прочих судов и могут решаться только императорской властью.

В заключение в хрисовуле приведен длиннейший список должностных лиц, из судебной компетенции которых изымаются Новый монастырь и его обитатели. При этом перечисляется целый ряд представителей гражданской и военной власти, высших и низших чинов провинциального управления и финансового ведомства и лишь между прочим упоминаются и судьи. На это любопытное обстоятельство правильно указал тот же К. Н. Успенский. Правда, принимая во внимание шаблонный характер таких перечислений, не следует понимать их слишком буквально, приписывая им точность и продуманность, которой они заведомо не имели. Нельзя полагать, как это делал К. Успенский, что перечисленные в данной грамоте должностные лица все сплошь ведали судебными делами¹⁸⁵. Но безусловно необходимо все же заключить, что многие или хотя некоторые из них, помимо прочих своих компетенций, имели и судебные функции. А отсюда следует, во всяком случае, что столь частые в хрисовулах перечисления должностных лиц, которым воспрещается вступать на территорию иммунитета или нарушать пожалованные ему привилегии, ограждают имуниста не только от государственных поборов, но и от судебного и административного вмешательства органов власти, хотя бы при этом судьи как таковые и не упоминались.

Действительно, компетенция должностных лиц никогда не была в Византии четко разграничена. Тогда как чины местной администрации зачастую исполняли судебные функции, судьи, со своей стороны, нередко ведали сбором податей. Мы видели, например, из хрисовула Алексея I Ватопедскому монастырю от 1082 г., что подати с названного монастыря собирал, обогащаясь поборами в свою пользу, судья. На судебные функции чиновников податного ведомства, в частности практоров, указывалось уже в научной литературе на основании ряда документальных данных¹⁸⁶. Мы можем присоединить к ним свидетельство не так давно опубликованного Дэльгером хрисовула Никифора III Вотаниата Иверскому монастырю от июля 1079 г., имеющее для вопроса о судебных привилегиях исключительный интерес¹⁸⁷.

Император подтверждает владельческие права Иверского монастыря на Афоне, жалует ему экскуссию на все его недвижимости и определяет, что монастырь подлежит только суду катепапа или дукса Солуни и никак не должен быть судим ни фемными судьями, ни прочими должностными лицами, практорами и сборщиками податей или кем бы то ни было другим (*ἢ παρα τῶν θεματικῶν δικαστῶν ἢ λοιπῶν, πρακτορῶν καὶ φορολόγων ἢ ἑτέρου τινὸς τῶν ἀπάντων*), — независимо от того, идет ли речь об уголовном или гражданском деле и возбуждено ли дело самим монастырем или противной стороной¹⁸⁸.

¹⁸⁵ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет..., стр. 87.

¹⁸⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета..., стр. 70; F. Dölger. *Beiträge...*, S. 71 f.

¹⁸⁷ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, № 35.

¹⁸⁸ *Ibid.*, № 35. 45—54. В заключительной иммунитетной формуле дается длинный перечень должностных лиц с запретом нарушать сделанные в хрисовуле постановления (строки 95—107). Он совершенно подобен перечню в хрисовуле Константина Мономаха Новому монастырю и ряде других хрисовулов данного времени, т. е. следует установленному шаблону. Интересно, что практоры в нем вообще не упоминаются, как не упоминаются и фигурирующие в тексте *φορολόγοι*; судьи приводятся, как *κρίται*, названные же в тексте *θεματικοὶ δικασταὶ* не встречаются. Все это

Из этого свидетельства видно как нельзя яснее, что судебными делами, кроме судей, ведали не только практоры, но и прочие податные чиновники и другие, не названные должностные лица. Особенно же важно для нас то, что Иверский монастырь, подобно Новому монастырю на Хиосе, пользовался судебными привилегиями, подлежа только суду наместника Солунской фемы (носившего в данное время титул либо катепана, либо дукса), в пределах которой находились афонские монастыри. Не приходится сомневаться, что при таких обстоятельствах право суда внутри монастырских владений принадлежало самому монастырю. Действительно, если даже тяжбы монастыря с посторонними лицами были изъяты из обычного судопроизводства, находясь исключительно в ведении высшего представителя местной власти, то в чьем же ведении, если не в ведении самого монастыря, могли находиться судебные дела в пределах монастырских владений и кто же, кроме самого монастыря, мог производить суд над населявшими монастырскую территорию зависимыми крестьянами?

Можно отметить, что пожалованная Иверскому монастырю судебная привилегия была новой льготой. Императорский хрисовул говорит, что монастырь отныне (*ἀπό γε τοῦ ὕβν*) не подлежит никакому суду кроме наместнического. Действительно, из грамоты дукса Солуни и Серр, Феодора Далассина, от февраля 1063 г. видно, что незадолго перед тем спор между Иверским монастырем и его непокорным метохом Мелиссургием разбирал фемный судья¹⁸⁹. Таким образом, и в плане судебного иммунитета наблюдается постепенное расширение привилегий.

Конечно, привилегиями, о которых идет речь в хрисовулах Новому монастырю на Хиосе и Иверскому монастырю на Афоне, обладали не только эти два монастыря. Нет ни малейших оснований думать, что эти два монастыря пользовались каким-то особенным и исключительным предпочтением¹⁹⁰. Такими же или подобными привилегиями несомненно пользовались многие и многие другие монастыри и светские феодалы этого времени.

Рассматривая вопрос о финансовом иммунитете, мы могли заметить, что византийские иммунитетные грамоты, освобождающие от податной повинности, содержат несомненные указания на то, что иммунитет обладал в пределах своих владений не только фискальными, но и судебно-административными правами. В частности, мы останавливались на примере Христодула и его монастыря на о. Патмосе, перешедшем целиком во владение Христодула и представлявшем собой своего рода государство в государстве. В самом деле, определения хрисовула Алексея I Комнина от 1088 г. показывают с полной очевидностью, что Христодулу была передана вся власть на Патмосе. Как указывал императорский хрисовул, созданный Христодулом монастырь, «пребывая автономным и самовластным со всем своим островом», должен жить и управляться исключительно по типу и уложению своего ктитора, честного монаха Христодула, «и ни монастырь, ни те, что ему принадлежат, ни самый остров совершенно не должны подчиняться ни царским, ни патриаршим, ни митрополичьим, ни епископским, ни церковным, ни каким-либо гражданским лицам»¹⁹¹.

Укажем дополнительно на хрисовул, пожалованный в 1106 г. тем же

показывает, сколь рискованно делать на основании таких шаблонных списков слишком определенные выводы.

¹⁸⁹ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, № 58. Ср. № 57 (1062 г.).

¹⁹⁰ Из хрисовула Никифора Вотаниата можно, напротив, усмотреть, что Иверский монастырь, несмотря на все свои богатства, терпел известные невзгоды от византийской администрации: император ограждает его от несправедливостей, которым он подвергается ввиду иноязычия своих обитателей (*ibid.*, № 35. 49).

¹⁹¹ *MM.* VI, p. 46. 29—34.

Алексеем Комнином монастырю Богородицы Милостивой в Восточной Македонии. Разрешая монастырю поселить на своих землях 12 париков, император жалует им полную экскуссию, с тем чтобы эти крестьяне «служили монахам, служащим храму божьему, не признавая никакого другого господина» (μῆδὲνα ἑτέρον δεσπότην ἐπιγνώσκοντες)¹⁹². Очевидно, и здесь речь идет не только о финансовом иммунитете.

Сказанное о монастырях верно и для светских землевладельцев. Так, мы видели, например, что одно из поместий Льва Кефалы, ранее подчиненное управлению царскими именьями Македонской фемы, император Алексей Комнин совершенно изъял (ἀπέσπασε πάντῃ) из ведения этого управления и подчинил власти Кефалы (τῇ τοῦ Κεφαλᾶ δεσποτεία ὑπέδετο)¹⁹³. Едва ли подлежит сомнению, что в этом владении, изъятом из ведения царского управления и переданном под власть Льва Кефалы, этот византийский сановник-феодал не только пользовался всеми доходами и крестьянскими платежами, но и осуществлял судебную-административную власть.

Мы видели также, что во владении Михаила Атталиата государственные чиновники не имели права доступа. При перечислении должностных лиц, на которых этот запрет распространяется, хрисовулы Михаила VII Дуки от 1074 г. и Никифора III Вотаниата от 1079 г. на первом месте упоминают судей, а вслед за ними практоров¹⁹⁴. Кто же ведал судом в пределах его владений? Очевидно, сам Михаил Атталиат.

В научной литературе указывалось уже не раз на два письма Михаила Пселла, касающихся пожалованного ему Константином IX Мономахом василиката Мадита¹⁹⁵. С владением этим василикатом были связаны известные судебные функции и право на доходы от судопроизводства. Пселла жалуетя в письмах судье Фракии и Македонии и страдигу Авиды, что фемный турмарх нарушает его судебную компетенцию и присваивает себе права, которые, по его мнению, принадлежат ему или уполномоченному им лицу.

Думается, что все эти примеры, относящиеся к XI в., довольно ясно говорят о судебной-административных правах византийских светских и духовных сеньоров этой эпохи. Но вспомним и об «изъятых пожалованиях», которые описывает Податной устав. Ведь пользовавшиеся такими пожалованиями не только раз навсегда освобождались от всех обязанностей по отношению к государству, но и настолько обособлялись от всякого вмешательства государственного аппарата, что трудно себе представить, чтобы на их территориях органы власти продолжали нормально отправлять свои функции. Но, как мы знаем, пожалования такого рода практиковались в IX в., а очень возможно — и ранее.

Говоря о привилегиях в пользу церковного землевладения XII в., нельзя не вспомнить в этой связи знаменитого хрисовула Мануила I Комнина 1158 г., категорически запрещающего практорам выполнять какие бы то ни было функции на землях монастырей, расположенных в столице и ее окрестностях¹⁹⁶. Несомненно, и здесь речь идет не только о финансовом

¹⁹² Le monastère de Notre Dame de Pitié, éd. par L. Petit. ИРАИК, т. VI, 1900, вып. 1. p. 29. 13.

¹⁹³ Actes de Lavra, № 42. 24—26.

¹⁹⁴ MM, V, p. 136. 15 и 139. 17.

¹⁹⁵ K. Sathas. Bibliotheca Graeca, V, № 192, p. 487—488 и № 165, p. 423—424. Ср. перевод П. В. Безобразова („Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл“. М., 1890, стр. 24—26). О значении термина «василикат» и разногласиях в его толкованиях между Н. А. Сκαбалановичем и П. В. Безобразовым см. П. А. Яковенко. К истории иммунитета. . . , стр. 59, прим. 111.

¹⁹⁶ J. et P. Zepos. Jus Graeco-Romanum, I, p. 384.

иммунитете, ибо, как мы видели, практоры ведали не только сбором податей, но и судебными делами.

Уже В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский указывали на любопытные данные грамот монастыря Лемвиотиссы, освещающие вопрос о юрисдикции помещика-прониара¹⁹⁷. Касаются эти данные осевшего на территории Никейской империи западного рыцаря-прониара Сиргари, часто упоминающегося в грамотах монастыря Лемвиотиссы ввиду своих постоянных тяжб с этим монастырем. Сиргари представляет своих париков перед судом: при одном из своих столкновений с монастырем Лемвиотиссы он выступает на суде *δικαίῳ τε οἰκίῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ*¹⁹⁸. Один из париков Сиргари, священник Иоанн Полей, затеяв спор со своим родственником, обращается с жалобой к своему господину (*αὐθέντης*). Сиргари, правда, не разбирает сам возникшего спора, но передает его на решение домохозяев своей прони (*πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ*). Собравшийся по приказанию сеньора крестьянский суд, составленный из «лучших людей» его прони, рассматривает дело, допрашивает обе тяжущиеся стороны и выносит имеющий законную силу письменный приговор (*κρίσιμον γράμμα*). Интересно, что в селе прониара Сиргари имелся особый нотариус (*νομικός*) из числа его париков, который тоже участвовал в судебном разбирательстве.

Оконченная было решением сельского суда тяжба была возобновлена впоследствии наследниками Полея. И они прежде всего обратились к своей госпоже, благородной Комнине Вране. К ней же прибегла и противная сторона. Комнина Врана выслушала доводы обеих сторон и ознакомилась с представленными ей документами, изболчившими ее париков — Полев, но ограничилась приказанием, чтобы спор подвергся новому судебному разбирательству, и дело кончилось судом и (неблагоприятным для Полев) приговором Смирнской митрополии¹⁹⁹. Как бы то ни было, и этот эпизод свидетельствует об известной юридической опеке сеньора над своими париками.

Но пользовался ли правом патримониального суда сам монастырь Лемвиотиссы, в архиве которого сохранились только что рассмотренные грамоты? П. А. Яковенко на этот вопрос отвечал отрицательно, и, по всей видимости, на его взгляд о позднем развитии судебного иммунитета в значительной степени повлияла именно его уверенность, что даже такой богатый и влиятельный монастырь, как монастырь Лемвиотиссы, не обладал судебными правами. Яковенко указывал на то, что этот монастырь, «имевший экскуссию и называвшийся царским, следовательно могший быть вдвойне независимым, тем не менее в своих тяжбах с посторонними лицами является ответственным перед судом смирнского митрополита, дуки Фракисийской фемы, военного судьи и даже крестьянским судом»²⁰⁰. В этом рассуждении, несомненно, кроется недоразумение. Подсудность монастыря Лемвиотиссы церковным и гражданским судам в спорах с посторонними лицами, т. е. в случаях, когда он являлся тяжущейся стороной и суд выходил за пределы его владений, вовсе не доказывает, что монастырь Лемвиотиссы не имел права суда на своей территории²⁰¹. Пусть монастырь

¹⁹⁷ В. Г. Васильевский. Материалы..., ЖМНП, ч. 202, 1879, стр. 415; Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской прони. „Сборник статей, изданный учениками В. И. Ламанского“, СПб., 1883, стр. 23, прим. 3. Ср. П. А. Яковенко. К истории иммунитета..., стр. 68.

¹⁹⁸ ММ, IV, р. 41. 15.

¹⁹⁹ ММ, IV, р. 80—84.

²⁰⁰ П. А. Яковенко. Ук. соч., стр. 30.

²⁰¹ На это весьма справедливо указал уже К. Н. Успенский („Экскуссия-иммунитет...“, стр. 85).

Лемвиотиссы не пользовался привилегией подсудности только императорскому суду или суду фемного наместника, каковой привилегией пользовались, например, Новый монастырь на Хиосе и Иверский монастырь на Афоне в XI в.²⁰² Это не мешало ему обладать юрисдикцией в границах своих владений, в частности, иметь право суда над населявшими их крестьянами. Действительно, не приходится сомневаться, что это право он имел. Вспомним, что Иоанн III Ватаци в простагме 1252 г. заявлял, что он «отторг этот монастырь от остальной страны»²⁰³. Вспомним, что должностные лица вообще не имели права доступа во владения монастыря Лемвиотиссы²⁰⁴. Кто же, кроме самого монастыря, мог в таком случае ведать судебными делами на монастырской территории и чинить суд и расправу над населявшими ее париками? Очень показательно, что в двух грамотах дуксов Фракийской фемы, подтверждающих привилегии Лемвиотиссы, специально отмечено, что чиновники не должны взыскивать с монастыря судебные пошлины (*ἀερίχευειν*)²⁰⁵.

В свете всех этих данных едва ли возможно еще сомневаться в том, что византийские светские и духовные феодалы, пользовавшиеся экскуссией, обладали известными судебно-административными правами, и обладали ими издавна. П. А. Яковенко отправлялся от положения, что до XIV в. в византийских хрисовулах «ничего не говорится о праве суда владельцев экскуссии и подсудности их париков»²⁰⁶. Но ведь и для XIV в. он мог привести только один хрисовул, который прямо говорит об этом праве, да и этот единственный хрисовул относится к области Трапезунтской империи.

Главным предметом византийских иммунитетных грамот является вопрос о податных льготах, с которым для пожалованного лица были связаны непосредственные материальные выгоды и от урегулирования которого зависели и размеры обязательств жалуемого по отношению к жалующей верховной власти. Поэтому иммунитетные грамоты говорят главным образом, и даже почти исключительно, о податных привилегиях, на судебных же привилегиях останавливаются редко, обычно их подразумевают, но прямо не упоминают. Поэтому и пришлось нам взыскивать в грамотах указания на судебно-административные права византийских сеньоров, преимущественно косвенные, но, думается, тем не менее достаточно убедительные. Личная и имущественная зависимость крестьянина от землевладельца неизбежно вела к образованию патримониального суда. С расширением фискальных прав сеньора эта зависимость возрастала, и надо полагать, что землевладельцы, пользовавшиеся полным финансовым иммунитетом, как правило, обладали в пределах своих владений и судебными правами, хотя это обстоятельство в источниках отражается неравномерно и обычно неполно.

Впрочем, и право судопроизводства приносило иммунитету известные доходы в виде судебных пошлин. Не случайно, что эта сторона судебного иммунитета, соприкасающаяся с финансовым иммунитетом, значительно полнее освещена в источниках, особенно в грамотах позднейшего периода, когда практика взимания судебных пошлин особенно развилась в Византии. Точно так же как иммунитетные грамоты говорят о пожаловании податных сборов, они говорят о пожаловании иммунитету судебных пошлин, о так называемом аэриконе (*ἀερίκον*) или — в позднейших документах —

²⁰² Впрочем, в 1295 г. Иверский монастырь предстает перед судом протоаскирита и ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν (F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 59/60).

²⁰³ MM, IV, p. 251. 11.

²⁰⁴ MM, IV, p. 215. 24; 216. 30; 224. 11.

²⁰⁵ MM, IV, p. 217. 4 и 224. 19.

²⁰⁶ П. А. Яковенко К истории иммунитета..., стр. 30.

аире (ἀήρ). Первоначально являясь денежным взысканием за известные правонарушения, аэрикон постепенно превращается в постоянный сбор, который взимается наряду с прочими денежными сборами²⁰⁷. Расцвет аира наступает, когда под влиянием славянского права в Византии устанавливается практика взыскания с сельской общины денежных штрафов за совершенные на ее территории преступления²⁰⁸. Так появляются в грамотах денежные взыскания и за тяжчайшие преступления, убийство (φόνος, φονικόν) и «деворастление» (παρθενοφθορία). Трактующиеся как виды («статьи») аира, эти сборы приводятся в иммунитетных грамотах наряду с податями, причем государство иногда удерживает их за собой, иногда же предоставляет их жалуюмому лицу.

Уступая землевладельцу сбор аира с населяющих его земли крестьян, государство, очевидно, предоставляет ему и право производить над ними суд за соответствующие преступления. В самом деле, несмотря на то, что «статьи» аира превратились в своего рода периодические сборы, они не утратили значения взыскания за определенные правонарушения. Говоря выше об иммунитетных правах Зографского монастыря, мы отметили, что хрисовул Андроника II от 1327 г., предоставляя монастырю право сборов за убийство и деворастление, подчеркивает, что эти сборы взыскиваются «ради наказания и наставления» париков²⁰⁹. Очень характерно в этом отношении и свидетельство неизданного хрисовула Андроника II афонской Лавры, отрывок из которого сообщила Ж. Руйар²¹⁰. Освобождая Лавру «даже от так называемого фоникона», императорский хрисовул объясняет смысл этой пошлины, которую, по его толкованию, следует взыскивать только за умышленное убийство и только с убийцы и его соучастников, не беспокоя неприсяжных²¹¹.

Этот хрисовул, изданный в 1298 г., является первым известным свидетельством о взыскании фоникона в Византии²¹². Самый факт специального толкования значения этого сбора указывает, казалось бы, на недавнее возникновение данного обычая²¹³. В то же время, если не несколько позднее,

²⁰⁷ Значение аэрикона яснее всего вскрывается грамотами Вазелонского монастыря, опубликованными Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем („Вазелонские акты“, Л., 1927). Ср. F. Dölger. Das аερικόν. ВЗ, 30, 1929/30, S. 450; М. Ласкарис. Ватопедската грамота на цар Иван Асеня II. София, 1930, стр. 46 сл.; А. Соловьев, В. Мошин. Грече повеље српских владара, стр. 583 сл. Ср. и мою работу „Византийские писцовые книги“, стр. 299 сл.

²⁰⁸ Ср. А. Соловьев. Један словенски утицај у византичком праву. „Архив за правне и друштвене науке“, XXV, 4, 1932, стр. 23—33 и G. Rouillard et A. Soloviev. Το φονικόν. Une influence slave sur le droit pénal byzantin. „Μνημοσύνα Ραπουλίας“, 1934, p. 221 sq.

²⁰⁹ Actes de Zographou, № 26. 59 sq.

²¹⁰ G. Rouillard et A. Soloviev. Το φονικόν, p. 224.

²¹¹ О борьбе славянских и традиционных римско-византийских правовых воззрений в этом хрисовуле и других византийских документах этой эпохи см. А. Соловьев. Један словенски утицај. . . , стр. 30 сл.

²¹² На южнославянской почве взыскание этой и других подобных пошлин засвидетельствовано уже грамотой, выданной в 1258 г. болгарским царем Константином Тихом монастырю св. Георгия близ Скопья: монастырю жалуются право взыскания со св их крестьян пошлин за убийство и деворастление (вражда и девичья разбой), а также и за конокрадство (конска кража). См. Г. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, № 2. То же и в грамоте сербского краля Милутина от 1300 г. тому же монастырю: см. Р. Грујић. Три хиландарске повеље. „Зборник за историју Јужне Србије“. Скопље, 1936, стр. 19. Ср. А. Соловьев. Један словенски утицај. . . , стр. 31.

²¹³ Ж. Руйар и А. Соловьев (G. Rouillard et A. Soloviev. Το φονικόν, p. 231) указывают на свидетельство неизданного хрисовула Михаила VIII Лавре от января 1259 г., как на древнейшее упоминание фоникона. Но, как отмечает Ф. Дэлгер (F. Dölger. Regesten. . . , Teil III, № 1866), подлинность этого доку-

возник, по-видимому, и обычай взыскания пошлины за «деворастление», о котором лаврский хрисовул 1298 г. не упоминает и который, насколько известно, впервые встречается в грамотах начала XIV в.²¹⁴

При освобождении от податной повинности византийское правительство, как мы видели, иногда изымало из иммунитета важнейшие налоги, т. е. не уступало жалующему лицу всех своих фискальных прав, стремясь сохранить хотя часть их за собой. Точно так же оно исключало иногда из иммунитета важнейшие судебные пошлины, т. е. старалось ограничить юрисдикцию иммунитета, уступая ему только низшую судебную власть над его крестьянами, важнейшие же правонарушения оставляло в своем ведении, пытаясь сохранить за собой высшую юрисдикцию. Особенно часто и настойчиво исключаются из иммунитета именно *φονικόν* и *παρθενοφθορία*. Но к этим двум взысканиям за тяжкие преступления обычно присоединяется, в качестве третьей статьи аира, пошлина совсем иного рода — *εἰρησις θησαυροῦ* — «обретение клада», т. е. доля, которую нашедший клад был обязан внести в казну и от которой византийская казна неохотно отказывалась.

Рассматривая вопрос о податных привилегиях византийских землевладельцев, мы уже встречались попутно с примерами изъятия «трех статей аира» из иммунитета. Особенное значение имеет материал, который дают о правах на сбор аира и об ограничениях этого права писцовые книги²¹⁵. Практик, выданный в 1323 г. хиландарскому иеромонаху Каллинику на подаренную ему часть деревни Мамицоны, предоставляет владельцу право взыскания аира с париков пожалованной ему территории. Но из этого права исключаются три статьи аира, прямо названные государственными, а именно: пошлины за убийство, деворастление и обретение клада. При этом пожалованный Каллинику частично сбор аира приравнен к годовому доходу в 3 иперпира²¹⁶. Таким образом, Каллинику было пожаловано право производить суд над подвластным крестьянским населением, но это право было ограничено и не распространялось на подразумевающиеся в двух первых статьях аира преступления, которые оставались в ведении государства, а нашедший клад на пожалованной ему территории должен был делиться находкой не с ним, но с казной²¹⁷.

Те же три статьи аира были изъяты из иммунитетных прав прониара Михаила Мономаха, уступленная же ему часть аира в писцовой книге, выданной ему в 1333 г., подытожена с пересчитанными на деньги крестьянскими «подношениями» (*καλισκία*) и десятиной со свиней, что в общей сложности составляло 2 иперпира в год²¹⁸. С той же оговоркой относительно трех статей уступлен был сбор аира прониару Алексею Раулю, неизданный практик которого сохранился в архиве того же Зографского монастыря²¹⁹. Хрисовул Иоанна V от ноября 1344 г. жалует стратопедарху Иоанну Хумну пронию с правом передачи наследникам, освобождает его от всех государственных повинностей, но делает исключение для тех же трех статей²²⁰.

²¹⁴ Ср. N. Βέης. Ὑπέρθε *ius primae noctis* παρα Βυζαντινοῖς; BZ, 21, 1912, S. 169 f.; S. 185.

²¹⁵ Мы уже останавливались на этом вопросе в статье „Византийские писцовые книги“, стр. 299 сл. Рассмотренный там материал мы можем теперь дополнить, особенно благодаря опубликованным позднее практикам Иверского монастыря на Афоне.

²¹⁶ Actes de Chilandar, № 92. 146.

²¹⁷ Те же три пошлины, как мы видели, были исключены из иммунитета Русского монастыря на Афоне хрисовулом Андроника II от 1311 г.

²¹⁸ Actes de Zographou, № 29. 89—91.

²¹⁹ Ср. В. Мошин. Акти из светогорских архива, стр. 213, прим. 51.

²²⁰ Actes de Philothée, № 8. 40.

В других случаях право на сбор аира жалуется иммунисту целиком и без всяких оговорок, т. е. право суда в пределах его владений, очевидно, предоставляется ему без каких бы то ни было ограничений и распространяется и на преступления, которые в вышеприведенных примерах были исключены из патримониального суда. Так, Хиландарь, по отношению к которому византийское правительство в эту эпоху показывало особенную предупредительность и полнота финансового иммунитета которого неоднократно подтверждалась хрисовулами самого Андроника II, пользовался правом сбора аира без каких-либо ограничений: в сохранившемся в славянском переводе хиландарском практике, составленном в 1300 г., запись сбора аира, в размере 18 иперпиров, не сопровождалась никакими оговорками²²¹.

Как мы уже видели, в 1327 г. Андроник II пожаловал право на пошлины за убийство и девораствление и Зографскому монастырю, хотя сделал это с явной неохотой и лишь уступая ходатайствам болгарского царя²²². Мы видели также, что Эсфигменский монастырь первоначально пользовался правом сбора аира с изъятием трех статей, но затем пришлось сделать дальнейшую уступку, а именно: сбор аира, записанный в первой писцовой книге Эсфигмена с упомянутым ограничением, приведен во втором его практике, двадцать лет спустя, без всяких оговорок и, соответственно такому расширению судебных прав, а равно и росту владений и числа крестьян монастыря, записан уже не в 8, а в 20 иперпиров²²³.

Случалось, наконец, что владелец на одних владениях пользовался более, на других менее широкими судебными правами, как мог тот же владелец на одних владениях обладать большими, на других меньшими податными льготами. Составленная в 1341 г. писцовая книга Иверского монастыря, касающаяся комплекса монастырских владений в области Пангайской горы, содержит следующую запись: «аир с записанных выше париков — без трех государственных статей убийства, девораствления и обретення клада — 24 иперпира»²²⁴. За эти владения Иверский монастырь, как мы видели в другой связи, платил казне высокую подать в 200 иперпиров. Напротив, остальные владения Иверского монастыря, расположенные в областях Стримона, Иериссо и Каламари, были освобождены от всякой податной повинности, и уже практик 1301 г., дающий их опись, записывает за Иверским монастырем право на аир без всяких ограничений и оговорок²²⁵. На этом примере с особенной ясностью вскрывается связь между

²²¹ В. Мошин. Акты из светогорских архива, стр. 213 (строка 515).

²²² Actes de Zoграфου, № 26. 60 сл. Ж. Руйар ошибалась, считая этот хрисовул единственным примером освобождения от фоникона (G. Rouillard et A. Soloviev. Το φονικόν, р. 225). Едва ли правильно ее толкование, что сообщенное ею определение хрисовула 1298 г. освобождает Лавру не от фоникона вообще, а только от „неправильно понятого“ фоникона, и уж совсем невозможно распространение такого толкования на случаи, не столь уж малочисленные, упоминания фоникона в иммунитетных формулах хрисовулов в числе прочих пожалованных иммунисту сборов.

²²³ Actes d'Esphigmenou, р. XIV и XV.

²²⁴ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika..., RV, 237—238: τοῦ ἀέρος τῶν ἀναγεγραμμένων παρικοῶν ἀνεὺ τῶν τριῶν δημοσιακῶν κεφαλαίων φόρου, παρδενσφδρίας καὶ εὐρέσεως θραυροῦ ὑπέρπιρα εἰκοστέσσαρα. Относящаяся к тому же комплексу владений писцовая книга 1316 г. изымает из пожалования аира почему-то только взыскания за убийство и обречение клада, но при этом исчисляет монастырский аир всего в 18 иперпиров. И в этом практике подчеркивается, что аир взыскивается с монастырских крестьян: „аир всех этих париков — без убийства и обретення клада — 18 иперпиров“.

²²⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika..., A, 454. Аир здесь суммируется со сбором офелии и десятиной с овец и свиней, что в общей сложности дает 50 иперпиров. Касающиеся тех же владений писцовые книги 1317 и 1321 гг. записывают аир отдельно, указывая кратко и ясно: „за аир 18 номисм“ (K, 551 и P, 541).

широтой податных и судебных привилегий сеньора. С расширением фискальных прав расширяется и круг его судебных компетенций.

Ограничения сеньориальных судебных прав, оставшиеся в силе при византийской власти, быстро отпали для греческих монастырей, перешедших под власть Стефана Душана, как отпали и все податные ограничения. В ряде хрисовулов, выданных Душаном афонским монастырям, взыскания за убийство, девораствление и обретение клада специально жалуются владельцам²²⁶. Ни в одном случае сборы аира не изымаются из иммунитета, как не изымаются и податные сборы.

Интересно отметить, что вопрос о судебных пошлинах в сербском средневековом праве решался иначе, чем в Византии. Как видно из Законника Душана (§ 194) и ряда сербских грамот, начиная с XIII в., судебные пошлины предоставлялись церкви и монастырям даже в тех случаях, когда зависимые от церковных учреждений люди судились гражданским судом²²⁷. В Византии же права на судебные сборы не отделялись от прав судопроизводства. В силу этого право сбора известных судебных пошлин и могло здесь отниматься у монастырей, и именно потому свидетельства византийских грамот о сборе аира представляют такой интерес для исследования вопроса о характере и объеме патримониального суда в Византии. В существе же своем развитие судебного иммунитета в Византии и средневековой Сербии обнаруживает много совершенно сходных черт. Будет полезно для сравнения указать на некоторые свидетельства сербских документов, в которых вопрос о судебном иммунитете освещается яснее, чем в византийских грамотах.

В грамоте короля Стефана Драгутина (1276—1282) прямо сказано, что люди этого монастыря должны судиться перед своим игуменом. Из этого общего постановления изымаются, впрочем, важнейшие судебные дела, связанные с изменой («невера») и переманиванием чужих крестьян («провод»), земельными спорами («земля») и убийством («вражда»). Наконец, указывается, что тяжбы с посторонними лицами должны решаться судом короля или лица, уполномоченного им по просьбе игумена и монастырской братии; при этом особо подчеркивается, что монастырь, как мы это видели и на некоторых примерах в Византии, освобождается от суда местных властей²²⁸.

Постепенно права патримониального суда, по крайней мере церковного, расширяются и введенные ограничения отпадают. Законник Душана (§ 33) определяет, не делая никаких оговорок, чтобы «церковные люди» судились «о всякой правде» перед своими митрополитами, епископами и игуменами²²⁹, а в хрисовуле, выданном Хиландарю в 1355 г., Стефан Душан наказывает, чтобы на хиландарских метохах никто не производил суда «ни малого, ни большого, ни за землю, ни за вражду», и прямо указывает, что право суда принадлежит «старцам, которых пошлет святой монастырь, и судьям, которых они назначат». Но если окажется, что кто-либо из них

Как видно, и здесь не делается никаких оговорок, то есть аир предоставлен монастырю целиком. В описи тех же владений 1341 г. сумма аира в конце писцовой книги, по-видимому, не подсчитана, но для отдельных деревень, описанных в этом практике, аир приводится тоже без каких-либо ограничений (V, 50,98/9, 227, 288 и т. д.).

²²⁶ А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара, 7. 96—97; 8. 95; 9. 51; 12. 85—86; 13. 67; 16. 40.

²²⁷ Ср. Т. Тарановски. Историја српског права у Немањинској држави, т. I. Београд, 1931, стр. 95 сл.

²²⁸ Ст. Новаковић. Законски споменици. . . , стр. 387.

²²⁹ Ст. Новаковић. Законик Стефана Душана. Београд, 1898, § 33, стр. 31. Ср. там же, § 30, стр. 28.

судил несправедливо, то дело передается для законного суда государственному суду кефалии²³⁰. Таким образом, при всей широте патримониального суда, существует право апелляции против его решения и государственная власть сохраняет свои верховные судебные права, которые несомненно сохраняла и верховная власть в Византии.

Мы не можем вдаваться здесь в более подробное рассмотрение вопроса о развитии судебного иммунитета в Сербии и должны удовольствоваться этими беглыми указаниями и немногими примерами, дополняющими в известной мере отрывочные и часто недостаточно определенные свидетельства византийских документов. Подробный разбор всего материала сербских источников в классическом труде Ф. В. Тарановского убеждает в том, что патримониальный суд был в средневековой Сербии, как во всяком феодальном государстве, общим явлением²³¹.

Как во всяком феодальном государстве, существовал он и в Византии. Думается, что наше исследование доказало, что византийские землевладельцы пользовались в пределах своих владений как фискальными, так и судебно-административными правами и что пользовались они ими, во всяком случае, уже с XI в., а возможно, и много ранее. В то же время использованные нами данные указывают на значительные различия в предоставленных судебным привилегиях. Судебные права византийских землевладельцев не были одинаковы, как не были одинаковы и их податные привилегии. Одни пользовались со своей территории всеми судебными правами, другие обладали лишь ограниченной юрисдикцией, и даже один и тот же сеньор мог на одних своих владениях пользоваться большими, на других — меньшими привилегиями. В то же время рассмотренные свидетельства показали, что постепенно судебные права сеньора расширялись, точно так же как расширялись податные льготы. Введенные было ограничения со временем отпадали. Судебный иммунитет имел ту же тенденцию роста, как и финансовый иммунитет.

Разумеется, эти положения только намечают путь для дальнейших исследований, которые дополняют рассмотренный нами материал и дадут более подробную разработку затронутых нами вопросов. Для всестороннего освещения сложного вопроса о византийском иммунитете потребуется еще немало исследований. В частности, для более полного освещения вопроса о развитии судебного иммунитета будущие исследователи должны будут связать его с изучением мало еще изученной истории византийского судопроизводства и действовавших на византийской территории судебных учреждений.

²³⁰ Ст. Новаковић. Законски споменици..., стр. 432.

²³¹ Т. Тарановски. Историја српског права..., т. I, стр. 92 сл.; т. IV, стр. 135 сл.

К прим. 87. Некоторые ученые придерживаются еще и ныне этого взгляда; например, Ф. Дэльгер (F. Dölger. Die Kreuzfahrstaaten auf dem Balkan und Byzanz. „Südost-Forschungen“, Bd. 25, 1956, S. 151 f.) с большой решительностью сводит развитие феодальных отношений, в частности развитие системы прони, к подражанию западным образцам. Удивительно, что Дж. Линдсей (J. Lindsay. Byzantium into Europe. London, 1952, p. 476, p. 56) приписывает мне это воззрение, ссылаясь при этом на сербское издание моей работы о прони. Очевидно, он этой работы либо не читал, либо не понял.

Дополнение

Уже после сдачи статьи в набор автор получил возможность ознакомиться с работой F. Dölger. Archivarbeit auf dem Athos. „Archivalische Zeitschrift“, Bd. 50/51, 1955, где опубликован полный текст хрисовула Василия I; грамота датирована июнем 1 индикта (= 883 г.). Для грамоты Льва VI Ф. Дэльгер (Op. cit. S. 295) дает поправки к тексту П. Успенского и сообщает дату: февраль XI индикта (= 893 г.). (См. прим. 20 и 22).